18+
Дмитрий Костюкевич
ДОРОГА ВСПЯТЬ
сборник фантастических рассказов

Дмитрий Геннадьевич Костюкевич

Дорога вспять. Сборник фантастических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29827777
ISBN 9785449039262

Аннотация

В этой книге семнадцать фантастических рассказов. Капля юмора, щепотка хоррора. Холод космического вакуума, дрейфующих льдин и сердец. Большинство рассказов объединены темами любви и одиночества. Одним из воплощений любви становится страсть, которой одержимы писатели и режиссёры, солдаты и учёные. А одиночество… в конце концов, в этой вселенной одиноко всё человечество…

Содержание

Предисловие 5
Дорога вспять 9
На льдине 61
Реки рекурсивности 92
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Дорога вспять
Сборник фантастических рассказов

Дмитрий Костюкевич

Иллюстратор Адам Шерман

© Дмитрий Костюкевич, 2018
© Адам Шерман, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3926-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В каждом человеке – целый мир. В нём рождаются и погибают цивилизации, расширяются вселенные, зажигаются и гаснут новые звёзды. Мир внутри брестского писателя Дмитрия Костюкевича многогранен и необычен. Он абсурдный, невероятный, местами странный и страшный, но всё равно притягательный. Обычный с виду парень, наш современник, хороший человек, верный друг, любящий муж и заботливый отец создаёт свои вселенные, которые могли бы потягаться с фантазиями величайших фантазёров прошлого. Но Дима не эгоист, он приглашает тебя, читатель, в путешествие по своим мирам. И эта книга становится билетом на межпланетный, межмировой экспресс.

Значительное число представленных здесь рассказов (уж не знаю, умышленно или нет) объединены двумя общими темами. Темами любви и одиночества.

Любовь толкает солдата будущего на смертельно опасное паломничество. Недостаток любви заставляет искать её замену в суррогатах семейного тепла, которое предлагает своим гражданам новый вариант «идеального» общества. Потерявшие всё космонавты продолжают жить воспоминаниями, в которых живёт надежда, грусть и… любовь. Любви подвержены все. Даже Дьявол. В одном из рассказов сборника Повелитель тьмы, манипулируя человеческими душами, про-

никается сочувствием к своим подопечным, а в другом сам не может устоять перед чарами этого чувства. Любовь испытывают даже грозные боевые танки, орудия войны и уничтожения. Одним из воплощений любви становится страсть. Чаще всего это страсть творчества и созидания. Ею одержимы писатели и режиссёры, представленные на страницах книги. Страстью разрушения охвачены солдаты. Страстью знаний – учёные, исследователи и изобретатели.

Другая грань произведений этой книги – одиночество. Одинок уже упомянутый здесь, ищущий благословения солдат. От куда более страшного одиночества страдает советский полярник, дрейфующий по холодному морю на передвижной полярной станции. Одинок путешественник между мирами, который в попытке убежать от прошлого, силой мысли создаёт новые реальности. В конце концов, в этой вселенной одиноко всё человечество. Недаром несколько отличных рассказов здесь посвящены теме контакта человека с неземным разумом. Несмотря на встречу с другой цивилизацией, люди всё равно чувствуют себя неуверенно по сравнению со своими звёздными гостями. Где-то в силу страха и предрассудков, где-то из-за глупости и ограниченности. Своей или инопланетной. О космическом одиночестве пел ещё Дэвид Боуи, и здесь она открывается во всей красе, предлагая читателю две, на мой взгляд, неоспоримые жемчужины сборника – рассказы «Вальс привычных витков» и «В иллюминаторе».

Все эти темы подаются в сборнике «Дорога вспять» поразному. Серьёзно, абсурдно, с юмором, с грустью или так, что после прочтения по спине бегут холодные мурашки. Но в чём я точно не сомневаюсь, уважаемый читатель, тебе не будет скучно.

Как бы странно это не звучало, но хорошая фантастика всегда должна быть реалистичной. Иные авторы, обладая великолепной фантазией, не могут убедить читателя в реальности происходящего, отчего их произведения воспринимаются, как сказки для взрослых, способ хорошо и с интересом провести время, не более. Дмитрий же создаёт эффект полного погружения в текст. На страницах книги тебя ждут ожившие ледяные люди, водяные, домовые и огромные богомолы, кинофильмы, снятые при помощи машины времени. Архитектура пришельцев, которая является социальной сатирой на жизнь людей. Много-много чего ещё. И всё это воспринимается, как отражённая на страницах реальность. Что-то само собой разумеющееся, что отлично вписывается в мир произведения, не заставляет снисходительно усмехнуться и покрутить пальцем у виска. На этот эффект работает всё – прекрасное владение словом, лёгкий язык, внимание к деталям, мастерское погружение в атмосферу, достоверные диалоги и технические детали.

Моё вступление, читатель – это всего лишь необходимая процедура. Скучная лекция стюарда о том, как правильно закреплять ремни безопасности. Дальше нас ждёт только по-

лёт сквозь время и пространство. Путешествия в реальности, которые любезно открывает для нас Дмитрий Костюкевич, обычный человек, внутри которого – целый мир. Добавлю лишь то, что «Дорога вспять» – это любой путь. От одного шага до бесконечности световых лет. Любая дорога – это испытание себя, способ открыть заново свои возможности и свою личность. Дорога вспять – это дорога к себе.

«Though I'm past one hundred thousand miles, I'm feeling very still» – если снова обратиться к творчеству Боуи. Хоть я и нахожусь на высоте сотен тысяч миль, я спокоен. Какой бы далёкой не была для нас «Дорога вспять», она не пройдёт даром.

Евгений Абрамович

Дорога вспять

Брод с облегчением окунулся в сырость окопа. Сбросил с плеча матерчатый мешок со снаряжением, словно отшвырнул усталость долгого пути.

Отдышавшись, подошёл к западной огневой позиции.

К пылающему горизонту протянулась узкая улочка, по обе стороны которой теснились осколки зданий. Возле покосившегося фонарного столба лежал на боку дамский «Фольксваген», выгоревший до черноты, похожий на погибшего в жестяной банке жука. Асфальт под ним осел и растрескался. От второго этажа одного из домов остался лишь ломаный клык внутренней стены, торчащий из плиты, словно гномон огромных солнечных часов; из разбитой витрины валил густой дым. Эти чёрные клубы могли коптить небо месяцами – очаги гнева Белой Королевы. Как давно она здесь побывала?

Брод прошёлся по периметру окопа, останавливаясь у каждой огневой позиции. Во все четыре стороны открывался вид на сквозящие обречённостью, однотипные картинки: огрызки домов с выгоревшими внутренностями, трупы техники (на севере из разлома торчал хвост вертолёта с винтом, похожим на завядший трилистник), изувеченный асфальтный покров, будто кожа истязаемого, над которым потрудились паяльной лампой.

Вокруг окопа лежали связки веток, не слишком плотные –

в самый раз для обзора сквозь просветы. Очень удачное место – прямо на перекрёстке. Странно, что Сосуны не свили в яме гнёздышко.

Окоп, скорей всего, вырыли на месте воронки, расчистив её от бетонного крошева, углубив и расширив.

Мужчина присел, достал трубку, кисет и, набив практически до краёв табачную камеру, поднёс ко рту загубник. На губах – подсохшие язвочки.

Выдыхая дым через ноздри, он позволил себе погрузиться в некое подобие опрометчивой нирваны. Даже прикрыл глаза, оставив под надбровьем узкие щёлочки. И лишь пэв-винтовка на коленях намекала на готовность откликнуться на суету окружающего мира. В узловатом теле пучкового оружия можно было увидеть полимерную ящерицу, способную защитить хозяина даже без симбиоза с его руками.

На дне ямы блестели стреляные пулемётные плазмопатроны, солнечные лучи взрывались на их круглых боках яркими брызгами.

Через дюжину минут Брод открыл глаза, обхватил двумя пальцами чубук трубки и выбил её о колено. Пэв-винтовку он перекинул через плечо, оправил короткую куртку, опушённую термомехом, стряхнул крошки табака со штанов из влагонепроницаемого материала. Замер. Неподвижно сидел, прислушиваясь к звукам улицы: далёкому треску огня, разочарованному гулу ветра, общему безмолвному напряжению, которое мозг сепарировал в тихий звон колокольчиков

(почему-то серебряных).

Его внимание привлёк миниатюрный песочный бархан рядом с брошенным мешком. В нём угадывался контур сваленной в кучу одежды. Но это была не одежда – мужчина готов был поставить на кон последнюю флягу коньяка.

Подносом ботинка он ткнул бархан и с явной неприязнью поворошил. Увидел, что и ожидал. Снятую, как костюм для глубоководного ныряния, человеческую кожу. Только её не сняли, аккуратно отделив от мышц и мяса, а опустошили – высосали «мякоть» тела, перемолов кости, раздавив в пюре сердце, смешав лимфу, содержимое желудка и кашу из хрящей. Работа Сосуна. Брод опустил ногу. Где-то в складках этого ужасного костюма из кожи была треснувшая маска лица, через которую Сосун «испил» человека, после того, как пробил бивнем хобота череп и пустил в пищевод наногрызунов, чтобы размягчить трапезу.

«Уж лучше бы они поедали несчастных целиком, всё лучше, чем натыкаться на подобное… и не привыкнешь к такому – наверное, не надо… иначе начнёшь смотреть на живых, как на будущие карнавальные костюмы…»

Сбивчиво думая, Брод выбрал из стенки ямы несколько жменей суховатой земли и присыпал жуткие останки. Потом беспомощно взглянул в небо, с ветхой надеждой такого рода, что живёт единственно ради одного – она нужна, хоть горсть, хоть капелька конденсата, без неё никак, иначе – ствол в рот и спокойной ночи.

И нигилистическое небо преподнесло сюрприз.

Брод стоял в оцепенении, боясь моргнуть. Спугнуть. Но ещё не верил.

Он смотрел на опускающийся корабль. Нет, слишком мал для корабля – баркас.

А потом, забыв об осторожности, начал взбираться на брустверь.

Шлюпка расплавленной свинцовой слезой падала с неба.

*

– Привет, милый.

– Привет, незнакомка.

– Получишь за «незнакомку»! Сильно занят?

– Глазею на приборы, отдаю ботам команды. Но сейчас временный штиль.

– Брод, я ни черта не смыслю в твоих Порталах.

– И не надо.

– Зато кое-что смыслю в кулинарии.

– Бобо, не принижай свои достоинства. «Кое-что» – это сказать «моросит» на ураганный ливень.

Она улыбается. Для этого не надо включать видеофон. Его девочка улыбается, и это прекрасно. Как тепло любимой ладони за секунду до прикосновения. Неизбежное, лимонно-рассветное.

– Сегодня я собираюсь разобраться с крабами.

– Где достала? – искреннее удивляется Брод.

– Сабина угостила. Ей кузен привёз.

– Это тот киборг-экспедитор?

– Ага.

– Крабы…

– И?

Брод улыбается, широко и неосознанно, забыв, что такой ответ она сейчас принять не может.

– Так что скажешь? – требует акустической реакции Бобо.

– Будет замечательно. Я прихвачу бутылку вина.

– Белого сухого.

– Выучил наизусть. Подними ночью и отправь за вином – на консоли продларька выбью шифр с закрытыми глазами.

– Лишний раз напомнить – не помешает. Прошлый раз ты принёс «Мартини». А до этого какую-то сладкую шипучку.

– А есть разница между «Мартини» и белым вином?

– Брод, получишь!

– Очень на это рассчитываю.

– Ай-ай! Где же романтика?

– Сдаю в начале смены.

– Я пожалуюсь твоему начальству.

– Этот старый хрыч с ума сойдёт от твоего голоса. Пожалей своего мужчину.

– Я подумаю.

– О. Это так великодушно, госпожа.

– Так тебя ждать к восьми?

– Непременно. Если вы разрешите поужинать с вами.

– Запрос принят. С удовольствием.

– Я люблю тебя, милая.

Секунду-другую Бобо молчит. Только импульсы непроизнесённых слов носятся по оптоволоконным каналам.

– Я должна тебе кое-что сказать…

– Не сейчас, милая. Давай дома.

– Хорошо.

– Я скоро буду.

– Жду. Крабы тоже.

– Звучит заманчиво. Но сначала я съем тебя.

Бобо смеётся.

Смена догорает последними минутами, и этот смех – будто ещё не прозвучавший сигнал зуммера об окончании рабочего дня. Брод улыбается в трубку. Умертвляет линию.

А потом всё заканчивается. Смена. Эпоха равновесия Земли. Жизнь. Мечты.

Слишком поздно для всего. Об этом кричат сирены над городом. Даже когда катера и парапланы Изгоев навсегда покидают небо над Байройт-Финстернис, чтобы испариться в проснувшихся гигаваттных лазерных лучах наземных батарей. Даже когда осколки последней бомбы намертво вплавляются в асфальт и разрушенные строения.

*

– Он проснулся? – спросил полковник Рум.

– Не совсем, – ответила женщина-врач. – Кратковременное повторное пробуждение.

– Выглядит неважно.

– Довольно сносно, после двух местных лет в том аду. Понадобилось лишь частичное обновление организма.

– Репарация клеток?

– Ни к чему. Есть невосстановимые изменения мозга, потеря многих сегментов памяти – но это, скорей всего, след «первобытной» криоконсервации.

– Вы подвергли его гипнодопросу?

– Да. Записи в нише. Но его сновидения частично заглушили, перекрыли полученную информацию.

– Он видел сны под гипнозом?

– Такое случается. При особо сильных воспоминаниях.

– Откуда он?

– С Земли.

– Бог мой, ты уверена? То есть, это его родина?

Врач склонилась над мужчиной на кровати, мазнула по сухим губам витаминной помадой, ввела в вену кубик синеватого раствора, после чего бросила шприц в ванночку со стерилизатором.

– Да, он там родился. Больше века назад по стандартному времени.

Какое-то время они слушали, как работает корабельная центрифуга, вкладывая смысл в такие понятия, как «верх»

и «низ». Впитывали тяжёлое молчание космоса, царапающее обшивку.

Клипер «Ртуть» дрейфовал над Пурпурной Дланью, планетой, на которой разведывательная шлюпка подобрала мужчину. Тот даже успел спасти сержанта Марселлуса Клая от нападения кошмарной твари. Сосуна, как назвал её землянин.

Чья-то спасённая жизнь.

Очень облегчает контакт.

Как поручительство невызревшей смертью.

*

Марселлус понимает, что происходит, с небольшой задержкой. Как ответ ученика, которого подстёгивают меловые зарисовки учителя.

Сержант ступает с аппарели баркаса на планету. Приветствует поверхность толстой подошвой. И лишь спустя удар сердца замечает направляющий луч лазера левее своего плеча, струной протянувшийся за спину.

Остронаправленный пучок электронов высокой энергии вспарывает застоявшийся воздух. Марселлус наблюдает за происходящим с завороженностью престарелого дирижёра, у которого артрит украл руки. Автомат в его руках – всего лишь эмблема, рудимент.

Он видит стрелка – узелок на конце желтоватой нити ла-

зера, и сразу – резкий бросок взгляда через плечо – нападающего монстра.

По каналу, созданному лучом, проскальзывает ещё один пучок частиц – и в теле огромной улитки, с которой словно содрали панцирь, образуется вторая дыра. Её моментально заволакивает бурая слизь. А следом неизвестный стрелок – спаситель! – поливает полудохлую тварь каскадным ливнем из лептонов. И где-то в оседающем месиве сержант метит взглядом ужасный бивень и что-то похожее на глаз.

За этим он наблюдает, распластавшись по каменистому грунту, по радиосвязи приказав учёным оставаться в шлюпке.

И когда мужчина выбирается из-за руин и идёт навстречу, Клай не берётся за гашетку автомата, он – вскидывает руку.

Машет. Благодарит.

*

История следующих двух недель – до того, как «Ртуть» завершит свою паломническую миссию на планете, и растворы криопротектора попадут в камеры, навязывая людям пустые сны на долгие годы полёта по выбранному маршруту – в основном история разговоров. Пинг-понг вопросами и ответами, невысказанными признаниями и просочившимися сквозь поры слов фактами.

Они рассматривали Брода – как ископаемое, человека

в янтаре. Обскубанную ножницами пожухшую статейную вырезку со странной и невероятной человеческой судьбой. Он их – словно насмешку, клейкий подарок судьбы. Дополнительный рейс, подпёрший боком платформу ночного метро, – садись и не спрашивай о станции прибытия.

Как и все промежуточные истории, эта – о прошлом. Её можно дробить до бесконечности, отвлекаясь на второстепенных персонажей и ветвящиеся туннели возможных событий.

Ваше время столь же ничтожно, как и бесценно, поэтому мы лишь пробежим по галерее. Смотрите на красочные мазки. Или закройте глаза.

– Вы видели Белую Королеву?

– Чувствовал. Скорее так…

– Что она *такое*?

– Я не знаю.

– Она мертва?

– Она вне жизни… Я шёл в её процессии. Два дня. Маршировал с призраками.

– Зачем?

– Я говорил с ней. Пытался. Но она ничем не могла помочь мне, помочь Бобо… или не хотела.

– Кому помочь?

– Моей девочке… не согласилась даже передать несколько слов…

Он так давно не называл никого другом, что трудно сдержаться. Даже если стоишь на зыбком фундаменте. Марселлус рядом, и от этого проще делиться с остальными крупой своего прошлого.

Брод сидит в комнате с погашенными видеоустройствами и иногда говорил. Иногда слушал.

Капитан Реккед. Полковник Рум. Руководитель паломнической группы Анква Дрю, женщина с медными волосами.

И сержант Клай – в углу. Его глаза – рука на плече Брода. Поддерживающая, ждущая вечера и бесед тет-а-тет в каюте землянина.

Обрывки разговоров. Клочки дней.

– Я покинул Землю при первой возможности. Отправился с группой по установке демо-Портала…

– Это ведь было давно. Век с мелочью назад по стандартному времяисчислению. Вы знаете?

– Я не считал.

Трап языком падает с потолка. Ещё одна тень – новый слушатель. Над козырьком смотровой площадки в чёрный атлас впаяны звёзды.

– Сколько раз вы подвергались криоконсервации?

– Два. Или три… Три… на Радиусе-Нью всех заморозили во время бунта. Девяносто процентов погибло из-за внутриклеточного льда.

– Вы были на рудниках?

– Получается так.
– Зачем?
– Чтобы где-то быть…

*

Скачок в научно-техническом развитии полуторавековой давности изменил не только структуры вокруг человека, но и самого человека. Преобразование в постчеловека стало привлекать всё большие массы, не стеснённые финансами и не страшащиеся на тот момент значительного риска при мехимплантации и допрограммировании. А потом пошло-поехало.

Кибриды, киборги и биотехи на 2245 год составляли сорок три процента всего населения старушки Земли, которая уже успела обзавестись детьми и внучатами в других Солнечных системах.

В некоторых городах человеку невозможно было снять даже номер с обычной кроватью и капсульной ванной: ежи розеток, грозди кабелей под нейрошунты, жилы оптических каналов, стационар ингаляционной продувки механизмов, терминалы подключения к инфоблокам Интерспейса и аккумуляторные спальные стояки – таков усреднённый облик жилья постчеловека.

Байройт-Финстернис был городком старого образца, «людским», как выражалась Бобо. А его северная окраина

и вовсе напоминала коттеджную застройку конца XX – начала XXI веков. Одно- и двухэтажные домики с удобствами, от которых любой биотех пришёл бы в ужас и устроил себе короткое замыкание. Зелёным насаждениям вдоль улиц и за пределами посёлка позавидовал бы и заповедный Царь-Лес. А как величественна и своенравна была река Майн. Только виадук транспортной линии, ведущей прямо к промышленному комплексу «НОЛЬинк.», посягал на отшельничью красоту этой зоны.

Брод пользовался стареньким турбоциклом на магнитной подушке.

В тот день он несётся домой, как безумный, но его опережают: время, смерть.

*

Трюм «Ртути» ждёт. Контейнеры с молитвословами и церковными записками «О здравии» и «О упокоении». Но больше всего – корзин с бумажными огрызками и пластиковыми сиротами. На них пощёчины слов: просьбы и призывы, поклоны и слёзы. Адресаты: не миры с затасканным христианством, а планеты-загадки, планеты-кляксы, туманности-мифы, там, где Бог – в малиновом или чёрном, со щетиной рогов или в капельках воды. Где-то. В чём-то.

Возможно, новая религия.

Возможно, дарующий надежду убийца.

Что-то неизведанное.

Просьба с закрытыми глазами, всхлип последнего имени.

Когда перебрал все звенья чёток, остаётся перебирать облака… или клочки угарного дыма.

Записки со словами… к любым богам и любым землям. В нескольких экземплярах. Посеять на кочках галактик. Пожалуйста.

Пурпурная Длань с Белой Королевой. Рог Да и его Призрачные горы. Стигматические животные и кровавые гейзеры на Спутнике Ктул'Ху. Радужное Дерево над галактикой Стопа Хонсу…

Люди ещё не смогли понять эти миры, но уже научились просить, умели *всегда*.

Клипер погружается в мезосферу, пронырывает стратосферу, на антигравах оседает к коже Пурпурной Длани. Без огня – со свистом, словно весёлый морячок, возвращающийся домой.

Стрелки на шкалах дрожат ресницами. На экранах рубки видны увеличенные монстры, выползающие из своих гнёзд. Разбуженные свистом посадочных устройств.

Брод комментирует:

– Сосуны пребывали в спячке – другого объяснения у меня нет. Первые месяцы, после крушения баржи, их не было. Только мы, уцелевшие и предоставленные руинам странных городов, до боли похожих на земные. Но затем жирные убий-

цы выползли на поверхность и перебили остатки группы…

Анализаторы молчат. Они собрали скудный урожай данных.

Белая Королева – остаётся мифом, фигурой из снов и слов Брода. Группе пора двигаться дальше. Нести свою пальмовую ветвь в другие места, с сердцем, татуированным несчастьем, или помадой радости на губах. Группа паломников летит своим путём. Они вряд ли увидят родные места. А если и да – планеты состарятся и испепелят всех, кого они любили и знали. Криоконсервация в долгом путешествии – прощание. Отряд охраны, медперсонал и экипаж «Ртути» в том же положении, и всё, что они приобретут в конце – заслуженные кредиты на счетах. Остальное они тоже потеряли, отправившись в путь. Возможно, терять было некого. Если подобрать фальшивые слова.

И последнее, что делают люди – частично опорожняют трюм. Записки тех, кто пожелал послать в далёкий космос только слова.

Клипер скользит над планетой.

Брод смотрит в иллюминатор. Солнце этого мира вылизало его кожу до глянца.

Контейнеры и корзины летят вниз. Мусор надежды. Сокровища мертвецов с меткой креста.

Кто-то говорит: аминь.

*

Он врывается в дом, ударяется о край тумбочки, но не замечает этого. Бобо в гостиной. Слева от двери. Но сначала его взгляд ловит другую картину.

В разбитом окне что-то торчит: чёрное, цилиндрическое. Сустав лапы исполинского насекомого? Срубленный ствол дерева?

Потом он видит клапан, судорожный изгиб какого-то пускового устройства… Баллон уже мёртв, ему нечего больше отдавать. Он не сочится ядом, он – брошенный на пол окровавленный нож.

Лишь потом Брод узнает кошмарные подробности, горсть колючек и лезвия болезненных воспоминаний: о второй волне бомбёжки, парапланах Изгоев с затаившими ужасное дыхание баллонами, сбросе химических монстров, наполненных смесью хлора с фосгеном – дикая аллюзия на ипрские события, когда за несколько минут немцы выпустили на свободу почти сто семьдесят тонн хлора…

Это будет потом. В жизни ПОСЛЕ.

Брод опускается на колени.

Бобо мертва.

Слова теперь имеют объём. И плотность. Умирающие на губах, но не требующие жизни в звуках – пухнущие в голове.

Бобо мертва. Два слова; Брод не может избавиться от них и поэтому пытается уместить в себе. Он задыхается. Эти

несколько секунд. Эту вечность.

Два слова занимают всё его тело, выдавливают из лёгких воздух, распирают изнутри. Но всё равно не помещаются, как бокастый чемодан в загруженном рундуке.

Он даже не может плакать – сначала надо принять, поверить. Потому что придётся потом, если обманешь себя сейчас. Он знает это. Он ненавидит ожидание, почти так же, как смерть.

Он сворачивается и закрывает глаза. Тело любимой рядом. На расстоянии выдоха. Он бы почувствовал тепло её дыхания – тёплое облачко, – если бы она дышала.

Если бы.

В темноте больше места. Можно попробовать. Там страшно, но страх – направляющие.

Бобо мертва. Он принимает это. И плачет. Тихо. Слёзы текут, сохнут, вплавляются в кожу, – и тяжёлый груз слов скользит внутрь.

И тогда он открывает глаза и воет. Глаза Бобо смотрят на стену. Но уже не видят её. Возможно, что-то другое. На глазах – свинцовая глазурь. Рот открыт. Глянцевая серо-чёрная кожа. Заполненные жидкостью лёгкие…

Возможно, у неё был шанс выбраться. Но на виске рана. Осколок стекла? Бобо пыталась доползти до двери…

Брод сгребает: эти руки, ноги, голову. К себе. Накрывает их, содрогается над ними, будто стены сырого склепа над прахом.

Приходит утро.

Такое же бездыханное и холодное. Он не ждал его. Но выбора у него нет.

*

– Изгои отняли её у меня… Я столько не успел ей сказать, столько сделать. Я испробовал всё. Спиритизм, подпольные духовидческие камеры… Не одна религия или магия земли не могла хоть на секунду вернуть мне голос Бобо.

– Конгломерат уже не воюет с Изгоями.

– Я тоже не воюю. Только со смертью. Нет… я готов молить смерть на коленях, любую из её личин: о встрече, шансе… потерянном прошлом.

– И поэтому вы покинули Землю?

– Да.

– Искать шанс?

– Искать Бобо.

– Что случилось при установке первого Портала?

– Вы ведь знаете, Рум. Как и остальное. Вытянули это из меня во сне.

– Полковник…

– Клай, не вмешивайся! Брод?

– Хм. Я сбежал. Планеты системы Туркка оказались столь же беспомощны, даже их хвалёные монахи. Затем я нанялся на ближайшую космобаржу – и попал на рудники. Я

зарабатывал на билет до Пурпурной Длани пятнадцать лет…

*

– Мы летим к туманности Радужного Дерева, – сказал Клай. – Кто знает, возможно, там… говорят, люди слышат голоса ушедших.

– Я и так живу с голосами. Но, спасибо, Марселлус.

– Наша последняя остановка. Перед *домом*.

Брод облизывает губы. Когда-то ожидание убивало его, теперь – стало смыслом. Спутником.

– Последняя остановка, – повторяет он без выражения. – Я сел на нужный корабль.

Потом дыхательное окно криокамеры закрывается, и сухой воздух с парами жидкого азота холодит кожу.

*

Город искалечен. Он ждёт толпу – куда без неё? – чтобы засвидетельствовать свои раны, травмы.

Улицы превратились в разрытые канавы. Вспоротые запястья. Дома – в осколки каменных зубов. Площади больше нет, её вычерпали, и раскидали бомбы.

Но пока здесь нет зевак. Только медицинские службы и спасатели в центре котлована – туда пришёлся самый большой удар. Спасать там некого.

Пролёты виадука рухнули на посёлок. Те деревья, что не смело взрывами, – чёрные кряжи, залитые пеной. Но больней смотреть на одиночек, которые ещё горят, съёживаются в пламени, высасывающем последнюю влагу…

Брод бросает турбоцикл у развороченного и забитого генераторного колодца. Турбина старенькой «Yamaha Royal Star 9300» продолжает выть. Едва уловимый хлорный запах повсюду, вдалеке ещё видны клубы желтовато-зелёного дыма…

Сирены не зовут – стонут.

Небо отвернуло своё шелушащееся гарью лицо.

Улицы обработали спиртосодержащей жидкостью, дегазаторы по-прежнему шумно кружат над руинами и стонущей землёй, стягивают и раздают атмосферную влагу поливочные шары. Тел на поверхности немного, их скрыл лом и стелящийся дым, как наводнение накрывает машины и лавочки. Наверное, так лучше.

Их дом стоит практически целый. В этом месиве из земли и бетона. Охранная система среагировала на взрывную волну и включила по периметру силовое поле, которое приняло на себя удар, остановило осколки и пламя. Продержалось с минуту – этого оказалось достаточно, чтобы строение не превратилось в обугленное решето, но полностью не спасло.

Долговязый тополь срезан наполовину, его ампутированная часть висит на коре и щепе. Полимерная черепица у воз-

духовода оплавилась от горящей плюхи. Но их дом цел. В окнах – даже блестят стёкла. Почти все.

Первая волна – бетонобойные разрывные и фугасно-зажигательные бомбы. Одна упала на главную улицу в трёхстах метрах от дома. Это спасло его, комета смерти лишь коснулась хвостов. Следующая – в реку, которую вскипятила и выплеснула из берегов.

А потом Изгои принялись скидывать баллоны с хлором…

Один из них угодил в окно гостиной. Дом уцелел, отделавшись царапинами. Бобо не стало.

Грусть этих строк наполняет лёгкие…

*

Просыпаться – всегда страшно. Потому что уже свыкся, сон – твой дом. Даже если в нём стеклянные стены и пустота помех.

После криоконсервации тебя стережёт боль атрофированного тела. Всегда. Её конура рядом с твоей камерой, и когда открываются двери и стравливаются растворы – бренчит цепь. Её клыки на твоей коже, в твоих мышцах. Очень много клыков.

Секунды. Долгие. Пока препараты и механизмы не освободят тебя от проникающих и непроникающих кроипротекторов. Займутся эфемерной оболочкой, стонущей, с боем

принимающей тебя обратно.

И ты говоришь первое слово. Новорождённый в новом уголке бескрайней Вселенной.

Камера повернулась горизонтально. Брод увидел через веки медовый свет.

– Бобо…

*

Когда Финансовый Шторм XXII века надругался над экономикой европейских и американских государств, вынеся на берега бедности обломки малых и больших предприятий, небывалая безработица перезапустила старые акценты средневекового христианства.

Сначала на первый план выступили непродолжительные войны, хозяйственные и политические изменения, преобразования ведущих государств (Китай, разбитый ядерным «градом» за столетие до этого, давно выбыл из игры, как муха под скрученной газетой).

Предупреждение Уинстона Черчилля, сделанное им когда-то (вы помните?): «Каменный век может вернуться на сияющих крыльях науки».

Церковь ждала своего часа. Епархии, монастыри, храмы поднимались на поверхность, будто жёлтые черепа чудовищ из песков времени. Кровь, нищета и страх собирали ко-

лоссальную аудиторию. А потом, когда занавес упал, и сил на укус или хотя бы оскал уже не осталось, мир увидел нового человека – человека христианского, раболепного и сломленного, вернувшегося духом и мероприятием на несколько веков назад.

Власти, опираясь на жилистые руки самодовольных пап и прелатов, запустили жестокий механизм возрождения: выхода из шторма. Вначале заработали механизмы Антикризисных Корпораций с их уродливыми заводами, над которыми небо делалось венозно-чёрным от дыма. Миллионы добровольных рабов, готовых на всё ради куска хлеба и конуры. И, несмотря на новые рабочие места, – миллионы, оставшиеся безработными, подыхающие в отбросах и нечистотах. Первый этап новой-старой религии – христианства, проповедующего негативную сущность образа человека. Бедные Иовы XXII века. Общество с идеалом труда, как наказания. Голография Христа-Пастыря.

Иная альтернатива – смерть.

Кто знает, была ли другая дорога? Но время шло, мощности росли, условия труда улучшались. Поредевшее человечество выкарабкивалось из могилы, несмотря на края ямы, размытые потоками пота и крови. На авансцену ступил человек – проекция божественного образа, способного продолжить на планете созидательную деятельность и обрести тем самым своё спасение. Труд, как созидание, искупление.

Но это общество оказалось ещё более жестоким – оно вы-

талкивало убогих, больных, безработных, не предоставляя ни малейшего шанса. Разрушенная антропологами легенда о лакедемонских детоубийствах – зеркало той реальности. Даже добровольная праздность каралась ударом энергетического кнута. Его держали руки сильных мира сего.

Человечество скачками продвигалось вперёд, научно-технический прогресс шагал семимильными, наращивалось старое, исследовалось новое. И в какой-то момент после создания самовоспроизводящихся машин и успехов в сфере энергосинтезирования технологическая сингулярность перестала быть футурологической гипотезой. За считанные десятилетия космос утратил образ беспощадного океана, каким он видится человеку в исхудалой лодке.

А потом Земля перестала быть человеку единственным домом. Но не скинула паразитирующую церковь со своего загривка. Миллиард бродяг, калек и безработных были выдворены за пределы Солнечной системы на космобаржах и депортационных шатлах и брошены на планетах «третьего сорта» с запасами самого необходимого. «На первое время».

Они не умерли. Не исчезли бесследно. Они стали Изгоями.

Среди них было немало бывших учёных, военных и инженеров. И они смахнули с головы корону из терниев, встали на ноги и взялись за проекты и строительство, чтобы другие могли позже взяться за оружие.

Баллоны с хлором…

…падают на развороченную первой волной бомбардировок улицу, на уцелевшие и разбитые дома…

…и воздух не в силах их остановить, если только не уплотнится до льда…

*

Он стонал. Уже в своей кровати.

Снова сон. Маленький по сравнению со сновидениями в криокамере, но такой колючий.

– Я могу подкорректировать вашу память. Избавить от боли воспоминаний.

Врач рядом. Халат, над которым горят серые глаза. Женские руки с уродующими парапетами вен.

– Как?

– Это довольно просто при теперешних технологиях. Терзающее воспоминание изымается и переносится в другую область, контакт со стрессовыми точками разрывается.

– Нет…

– Это абсолютно безопасно.

Он схватил её за локоть. Довольно болезненно, но она даже не вскрикнула, загипнотизированная искренним ужасом – не гневом, – расплескавшимся в покрасневших глазах мужчины.

– Не смей, – сказал он, рот подёрнуло судорогой. – У меня

больше ничего не осталось…

*

Туманность Радужное Дерево находилась на высоте 0,83 парсека над плоскостью галактики Стопа Хонсу. Корабли-колонизаторы, направленные в Стопу Хонсу из ближайшей обжитой галактики, нашли пригодными для жизни (с доступными реконструкциями) четыре планеты первой и второй фаланги – по две в каждой. Неслыханная удача!

После освоения и «капремонта» был подан запрос на Землю – сердце Конгломерата – на размещение Портала. Красота и загадка Радужного Дерева сулила выгодные туристические туры, а жителям Новы, Эксмы, Шпагата и Фаетона – часть прибыли и открытие торгового Нуль-пути.

Транспортник с инженерами, конструкторами и монтажниками на борту, готовыми на месте возвести «Окно» из содержимого трюмов, отправился из Млечного Пути в Стопу Хонсу. Секрет порталов Конгломерат держал в строжайшем секрете, и поэтому далёкая звёздная система замерла в ожидании новых возможностей. Но туристов хватало и без джантирования. Из галактик-соседей потянулись корабли с зеваками.

Не дожидаясь помощи с Земли, сенатор Шпагата развернул программу подготовки. Его распоряжениями под малиновую реку, спадающую, несмотря на абсурдность и проти-

воречие законам физики, из ветвей туманности, был отбуксирован астероид, на котором возвели города с автономной системой снабжения всем необходимым.

После начала посещений Карниза – кольца из грибовидных обломков вокруг туманности – появились новые загадки. Радужное Дерево играло с метрикой пространства-времени, как котёнок с клубком ниток. Некоторые туристы исчезали, другие молодели или старели на глазах, третьи – слышали голоса из прошлого, голоса мёртвых.

Когда транспортник с Земли добрался до цели – тридцать пять стандартолет – на Фаетоне уже как два стандартогода свершилась революция. После вспышек ретрочумы и беспорядков к власти пришли бандитские кланы.

Такой информацией обладал экипаж «Ртути» на момент отлёта от Красной Длани. Анабиоз скрыл от них почти двадцать лет истории освоенного людьми космоса. И теперь они черпали из инфоканала, ставшего доступным после входа в Стопу Хонсу, пригоршни свершившихся событий.

Никто не хотел заходить в тёмную пещеру, не прочитав таблички у входа.

*

В смотровом куполе Радужное Дерево рассеивало свет раскинувшихся под ним звёзд. Оставалось только удивляться, как скопление пыли и газа может образовать такую при-

чудливую и завораживающую форму.

– Он так и не вышел из каюты?

Полковник Рум покачал головой. Морщины вокруг его глаз напоминали татуировки.

Капитан проверил реверс тяги, повернулся к креслу собеседника.

– Вы разрешите ему сойти на планету, если санкционируют посадку?

Полковник устал, он – старый спецкостюм, увешанный штрих-пластинами. Он обещал своим внукам Будущее, но успеет ли? Страшно вручать Будущее таким же, как и ты, старикам. Можно состариться даже молодым, в тридцать, в сорок. Жизненный опыт наполняет вагонетку твоего тела тяжестью, режет морщинами-трещинами. Этот мужчина, Брод – он тоже знает про это…

– Он не пленник.

– А кто? Гость?

– Хватит вопросов.

– Клай с ним?

– Каждый вечер.

Полковник вздохнул, зашторил глаза. Теперь – действительно хватит.

*

Изгибаясь на лету, малиновая река падала с кроны Радуж-

ного Дерева и, буравя силовые вихри и всполохи, достигала опоясывающего туманность Карниза. Словно сияющий призрак, раскручивающий вокруг талии каменный обруч. Затем река неправдоподобно медленно бросалась в пропасть космоса, к следующему каменному препятствию – скованному гравитационными полями астероиду, всегда готовому подставить сказочному потоку свою спину. Там она растекалась в небольшое озеро и словно иссякала.

– Смотри внимательней, – посоветовал Марселлус Клай. – На волны.

Брод смотрел. Минуту, вторую, ища странность, на которую намекал голос сержанта, высматривая какое-то неведомое существо или необъяснимую форму гребня, цвет перелива. Тщетно. Он уже собирался спросить: «Что я должен увидеть?», когда понял. Это было очевидно.

Малиновая река текла снизу вверх. Бежала к «листве» Радужного Дерева, минуя Карниз, пенясь алмазной крошкой. Водопад, несущийся вспять.

Брод не нашёл слов. Как и сил оторваться от иллюминатора. Бобо бы понравилось… И если Сатурн с его поверхностной пляской температур – резервация грешников, то пусть здесь разместится рай. Рай рукотворный, кем-то, когда-то.

*

Орбитальное сканирование астероида транслировало

унылые картинки.

Посадочные шахты оставались доступны лишь в Смерше. Космопорты двух других мини-городов были завалены – трупами и уничтоженной техникой, а шахты засыпаны песком. Это больше всего поразило Марселлуса: не мертвецы и следы бойни – песок.

– Ты глянь, колодцы они завалили, – поцокал языком сержант. – В такие по три линкора влезет…

– Роботы? – предположил Брод. – Бульдозеры-автоматы?

– Может, и так. Один чёрт, впечатляет. Никогда такого не видел.

– А тела?

– Этого вдоволь.

Марселлус ещё раз глянул на закупоренные шахты и отодвинулся от смотровой панели. Брод покачал головой:

– Я не про то – что там произошло?

– Бойня. Переход власти от губернатора к преступным группировкам.

– Изгои?

Сержант как-то странно посмотрел на Брода, прошёлся вдоль переборки, сел на место и принялся жадно пить чай.

– Нет. Крысы в стенах Конгломерата.

– Люди?

Марселлус невесело усмехнулся.

– А Изгои – кто? Черви?

– Я хотел сказать…

– Покопайся в инфоканале, теперь есть доступ. – Вид сержанта говорил: разговор закончен. – Там всё есть – про этот астероид, галактику, насилие и метафору власти.

Брод повёл пальцем по краю стакана.

По поверхности жидкости пошла рябь.

– Чёрт, – сказал Марселлус, когда Брод стал свыкаться с тишиной. – Наверное, я тебе даже завидую.

– Чему?

– Белым пятнам в голове. Политическому дальтонизму. Когда для того, чтобы не стрелять, необязательно видеть правильную эмблему на груди человека напротив.

Брод хотел что-то ответить, но замер, глядя в пустоту.

– Братва дала «добро», – сообщил по интеркому капитан. – Идём на снижение.

– Когда?

– Уже! Быстро в кроватки!

Брод торопливо устроился в противоперегрузочном ложе и подтвердил готовность. Марселлус не спешил (знал Реккеда очень хорошо – корабль не начнёт посадку, пока все не будут готовы): допил остатки холодного чая, снял тяжёлые ботинки и долго ёрзал в нише, лукаво поглядывая на сетчатый «рот» интеркома, прежде чем сказать компьютеру: «Готов». Капитан снёс издевательства молча.

Корабль медленно развернулся, начал проседать, словно тонущий континент, а потом, набрав скорость, нырнул в окошко силового поля и какое-то время спустя приземлил-

ся на астероид, терраформированный трудом ветра и человека.

*

В посадочной шахте корабль держали почти сутки.

Это время Брод провёл в библиотеке. Ввёл в инфоканал запрос «Бобо» и тупо просматривал заголовки ссылок, бегущие по панели. В нишах переборки услужливо ждали пластины е-ридеров.

Наконец бандиты, контролирующие Фаетон и Шпагат (и в довесок астероид под Радужным Деревом), спустили «рукав» и подняли экипаж и пассажиров «Ртути» на поверхность.

Главное здание космопорта производило убогое впечатление. Пятнало взгляд заплесневелым кафелем и атмосферой убежища.

Четверо вооружённых революционеров презрительно осматривали мужчин «Ртути» и гнилозубо лыбились, щупая выбоинами глаз женщин. Свои взгляды они синхронизировали с движением стволов и сопел оружия.

Полковник Рум с сержантами стоял впереди, в трёх метрах от приставленных надзирателей, остальные устроились на полу и грязных массажных скамейках. Крысы, загнанные в угол большой залы.

Табло под потолком транслировало выгоревшие схемы и битый пластик.

– Они уничтожили корабли Конгломерата, посланные для установки Портала, – шепнул капитан Броду. – Следующие прибудут не раньше, чем через пятнадцать стандартолет. И это будут не просто транспортники и крейсеры сопровождения – придёт армия.

Брод осматривал бандитов. Трудно было назвать их солдатами, даже наёмными. В неряшливом облике каждого проступала готовность возглавить собственное восстание или стать лидером кровавой оргии. Неизменные бороды, агрессивный камуфляж. Свои винтовки, импульсники и автоматы они словно набирали с армейского «шведского стола» – никакой закономерности и однообразия.

– Паломники, значит? – ухмыльнулся бандит с просевшей на плечи головой, ни к кому конкретно не обращаясь. Он не выпускал из зубов стеклянную люфу и часто сплёвывал.

– Лижете богу жопу в надежде на просветленческий пердёж? – добавил после паузы. – Какому из них?

Его товарищи выпрыснули в спёртый воздух безмерные порции смеха.

Анква Дрю не выдержала. Но ей хватило благоразумия поработать над тоном.

– Бог один. Он – Творец. Но никто не запрещает другим верить в иные имена, в конце концов, возможно, они лишь тени главного Имени.

Люфа сплюнул. Атеизм выделялся на его лице не хуже ломаного носа.

– О как, пацаны! Слыхали? Так что… – он проткнул взглядом молодого паломника, сидящего на полу, – …и богинь, выходит, няма? А, паря? Не видал? С сисяндрами такими загорелыми?

Парень опустил глаза.

Бандит зашёлся выхлопами хрипа.

Штурман сжал Анкве локоть: молчи.

– Сенатор Шпагата сбежал на Нову, – снова зашептал капитан. – Голову губернатора бросили в малиновую реку. Теперь с туристов, рискнувших посетить Дерево, дерут втридорога. А иногда пускают кровь.

Люфа указал на парня пальцем, потряс серым ногтём, затем повернулся к Анкве.

– Не видел ваш парниша. Не-а! А ты, мать, походу самая возвышенная?

– Я лишь следую по святым местам. Несу своё поклонение.

– Это место свято? Ты за нашу дыру базаришь? Не на ветвях ли Радужного куста поселился твой бог?

– Помимо своей веры, мы несём слова других смертных.

– За бабос? Так?.. Ладно, не кексуйтесь, – успокоил Люфа. – Подмажете Колчана и чирикайте с Деревом сколько угодно.

Рум стоял неподвижно – следил за дверью, за которой ис-

чез один из авторитетов этого отстойника. Посадочное поле скрывали листы жести.

– Мать, а тебя не смущает, что я создал твою тушку две минуты назад?

– Что?

– Что-что? Я твой бог. Твой – Создатель.

– Мне пятьдесят лет. Вы не могли создать…

– Набросал тебе ложных воспоминаний, остальным тоже. Сечёшь?

– Я…

– Если вы Бог, то способны совершить чудо? – влезла врач.

– О! – бандит осклабился. – Легко.

Сопло его импульсника дрогнуло. В этот момент дверь распахнулась.

Шаги принесли к скопищу людей мужчину в лёгком прогулочном костюме. Белое пятно среди тёмной плитки и тлеющих каналов аварийного освещения. Гладковыбритое лицо, довольно симпатичное, с некоторым угловатым шармом молодости. Не больше тридцати. Волосы цвета охлаждённого свинца. Казалось, он здесь случайно. Просто вышел не из той двери, не в тот мир.

– Я представитель пахана Колчана. Пройдёмте за мной.

Рука пригласила. Бандиты, дыша в бороды, посторонились. Люфа сделал попытку сплюнуть, но передумал.

– Все? – спросил капитан.

– Да, – Светлый костюм кивнул. – Мы поместим вас во временных апартаментах на территории космопорта. Заранее извините за условия. А представители вашей миссии смогут оговорить с Колчаном условия посещения Радужного Дерева. Трюм мы уже просканировали – думаю, проблем с записками не будет. Сможете оставить, но, сами понимаете, как долог будет их век.

Они пошли.

Брод держался середины. Всё, что он услышал из разговора Светлого костюма и полковника:

– Как я здесь оказался? Головорезам тоже нужны парламентёры и бухгалтеры…

*

Эта история не о сержанте Клае, но он играет в ней свою роль. Вы и так остались обделёнными – беседами Брода и Марселлуса, всходами хрупкой дружбы двух людей. Двух *врагов*.

Будет несправедливо, если вы не услышите, как сержант скажет, что он – потомок первых Изгоев. Как и другие люди на «Ртути». А Брод кивнёт – он знал, догадался.

Печально, что вы не увидите паутину кратких объятий. В них – много слов и дождя. Притоптанных ориентиров.

Несправедливо. Столько прошло мимо. Но вы – всегда спешите. А рассказчик слишком много знает «про себя», по-

рой пишет шёпотом, без букв.

Но нельзя не упомянуть, что именно Марселлус дал Броду свой скафандр класса «Тьма», когда Колчан посоветовал договариваться о посещении Карниза с местным патрулём, – за что после лишился половины кредитов и попал под трибунал. И именно Марселлус помог землянину в той ночной вылазке.

И на прощание:

– Найди её.

*

Брод просунул пальцы в отверстие и приподнял люк, а затем, перехватив свободной рукой за высвобожденный участок ребра, рывком перевернул. Чугунный кругляш упал «орлом» – Брод мысленно отдал «решку» голове дракона, выбитой на лицевой стороне, – и с обрывистым металлическим стоном впечатался в пол подвала.

В стене шахты торчали скобы, которые уходили вниз. Брод начал спускаться. За ним спускался Марселлус.

Схема космопорта и его окрестностей была в голове Брода, в объёме, с артериями подземных путей. Он вертел её и сверялся, выискивая точку подъёма, ближайшую к истоку малиновой реки.

Под ногами причмокивал толстый слой мха.

Ночью в пустыне было прохладно. На севере кратер ды-

шал испарениями, плёнкой блестело силовое поле. Малиновая река казалась потоком тёмного кваса, и лишь Радужное дерево не потеряло ни единой краски.

Они нашли нужное место и принялись копать.

Вернулись через час. Незамеченные. Продрогшие ожиданием – каждый своим.

*

Брод поднял руки и стал отсчитывать выверенные шаги. Дорога под ногами казалась потёкшей на солнце. Возвышенности заслонили космопорт, город уплыл влево.

Патруль встал частоколом тел. Помятый, словно мешок палками, бандит шагнул навстречу. Его левый рукав был пуст и перевязан узлом.

– Ты, паря, куда ноги направляешь?

Сиротская правая рука поднялась. В ней блеснула сталь.

Брод остановился. Кинул к ногам головореза сумку с пожитками, собранными на Пурпурной Длани. Кое-что из серебряного лома дал Клай.

Какое-то время шёл пересчёт. Инспекция матерчатого пузыря.

– Скромненько, паря…

Главный цокнул языком. Поднял руку, закрепляя вердикт. На фоне малиновой реки он выглядел блохой, лишившейся пса.

– Это огнестрельный пистолет? – спросил Брод.

– Точняк, – уверил однорукий. – Этот фуфырик продырявит твоё брюхо и захавает потроха.

– Тогда стреляй.

– Ты, паря, с опилками своими не дружишь?

– И коль убьют, то пусть из огнестрельного оружия.

– Чё это он? – спросил бандит в экзоскелете.

– Тю-тю, – сказал однорукий.

– Мне надо попасть на Карниз.

– Башляй.

– Я отдал вам всё, что у меня было.

– Метнись – отожми у кого, паря. Давай, чопай живенько.

Бандиты дружно заржали.

– Лады, – сказал Брод, подражая арго безрукого «таможенника».

Состав спецбригад Радиуса-Нью ничем не отличался от местных авторитетов и их прихвостней, а среди них Брод провёл два года – был одним из полуживотных, воспитанных в суровых условиях алмазных рудников и подчиняющихся ещё более строгой блатной дифференциации.

Он развернулся и зашагал к менгирам, за которыми спрятал скафандр.

– Меньжанулся нехило паря. От страха направу перепутал.

– За камушки пошёл присесть. Этого. Балласт сбросишь. Ха!

– Ага.

– Кашлянуть по рацухе Сивому о чепушиле этом?

– Схера?

– Этого. Для проформы. Вдруг у него там ящик термоядерных гранат.

– О как забазарил – проформа, с жердочки что ли свалился? Колчану ещё маякни! Охота тебе этой чухнёй заниматься.

– Дело твоё, Шприц.

– Чьё ж ещё! – Пауза. – Эй, паря, я сказал живенько хилять!

Брод ускорил шаг.

Вскоре слова стали неразличимы, их теснил ветер и расстояние. Больше ему не кричали.

*

Он выходит из-за защиты кромлеха и методично расстреливает бандитов через оптику пэв-винтовки. Забрало поднято, жаркое дыхание пустыни лижет лицо. Пучки электронов, посылаемые по ионизированным каналам, предварительно созданным лучом лазера в атмосфере, сверлят в телах дыры с пузырящимися краями, ампутируют ноги и руки, оставляют в камнях отверстия трёхсантиметрового диаметра.

Как стрельба в тире. Только игрушки не падают, а отлетают на несколько метров, будто нанизанные на призрачное

копьё.

Когда мишени приходят в себя и оправляются от шока – кто-то уже отстреливается маломощным и бесполезным на такой дистанции импульсником, – Брод опускает забрало. Начинает перемещаться – от камня к камню – и расходует заряды. Простреливает палатку из фибропластового восстанавливающегося материала, в которой, скорей всего, находится аппаратура связи с другими членами группировки, прожигает насквозь два вертолёта. Бандиты умирают, бегут, умирают, стреляют в ответ, умирают. Нескольким удаётся спрятаться за петушиный гребень каменной возвышенности.

Брод идёт вперёд, не отрываясь от оптического прицела.

Один выстрел всё-таки попадает в него. Кто-то поливает менгиры из плазмовинтовки. Брод кувыркается, встаёт на колено, целится. Карбонитридовые капли стекают с панциря. Скафандр «лечит» повреждённые цепи.

Брод стреляет.

Стреляет.

Над головой горит и пульсирует Радужное Дерево.

*

Из-за гребня появилась точка, миновала чернеющую на двух уцелевших опорах палатку, понеслась вдоль берега озера, из которого стремился в космос перевёрнутый водопад.

Остановка. Приближение: гусеничный грузовик.

Брод смотрел на машину – оптика визора зафиксировала приемлемый масштаб – гадая, что задумали недоноски. Плазмопули выбили несколько алых цветков в четырёх-пяти метрах слева от него. Жёлтым блеснула нить лазера. Мимо. Стреляли по-мальчишечьи, больше развлекаясь, почти не целясь. К космопорту и городу грузовик не свернул. Помчался к Броду, искажаясь в синеватом поле бамперной энергозавесы. Такую не прострелить – поток энергии, переносимый частицами, просто растечётся по «щиту».

Он закрепил пэв-винтовку за спиной и побежал.

Навстречу.

В кабине жались три или четыре бандита, грузовая платформа была заставлена контейнерами, удерживаемыми силовыми тросами. Кто-то стрелял через люк в крыше, поверх энергозавесы. Стрелку это очень мешало. Укороченные гусеничные пары позволяли развить неплохую скорость.

Брод бежал.

Сохраняя дыхание, в одном ритме, чувствуя рабочий пот, с которым не справлялась система кондиционирования.

Триста метров, двести.

Он сделал последний прыжок и остановился, развернувшись правым боком к машине. Произнёс команду для придания структуре скафандра максимальной жёсткости, и следом вторую – подошвы ввинтились в каменный грунт мёртвыми якорями.

Вот-вот и…

Брод понял, что надо было закрыть голову руками, но времени исправить оплошность – не было. Смех и крики бандитов перекрывали рёв двигателя и треск лопающегося под гусеницами камня. За грузовиком шлейфом тянулась пыль, словно он мчался по задымлённому туннелю, или песочный червь тщетно пытался сожрать его, не отставая и не приближаясь на заветные сантиметры.

Брод закрыл глаза и принял удар.

*

– Этого не может быть? Вы уверены… доктор?

– Сядьте, прошу.

Люм-фонари снуют под потолком клиники, распределяясь по скоплениям людей. Патологоанатом отводит его к окну. Всюду – крики, слёзы, чьи-то имена, выброшенные в воздух. И больничный запах, сочащийся из стен, застоявшийся, разбавленный кислым дыханием. Не отдельные люди – одно аритмичное сердце.

– Присядьте, – повторяет мужчина в зелёном халате.

Брод смотрит на лавочку. Не видит её.

– Вы уверены… но я не знал.

– Это больно. Я очень вам сочувствую.

– Она была беременна…

Патологоанатом прикасается к его плечу.

– Да.

– Боже…

– Обещайте быть сильным. Мне надо идти. Изгои забрали много жизней, но многих ещё можно спасти. Сюда поступают не только с окраины Байройт-Финстерниса, с других городов тоже… госпитали переполнены.

Кто-то кричит из дальнего конца коридора, ищет, умирает: «Эмма! Эмма! Ты здесь?!»

Стены схлопываются, разлетаются.

– Она хотела мне сказать, – произносит Брод. – Сегодня.

Он вспоминает, как нёс её тело по мраморным ступеням. И она – такая лёгкая. А на фасаде клиники горел красный крест. Кроваво. Скорбно.

– Я пойду… – говорит патологоанатом. Он ещё здесь. Тенью.

Брод поднимает глаза.

Коридор удерживает мучения, страх, отчаяние; резонирует ими.

– Изгои? Война?

Врач пожимает плечами и теряется в толпе.

Теряется навсегда, как капля чернила в кляксе, исчезает с этими своими руками, которые вскрыли Бобо, извлекли мёртвый плод и положили его в холодильник, а после принесли весть о новой утрате. Как кусок льда, брошенный в грудную клетку. В довесок.

Надо ли знать это, когда уже ничего не вернуть?

Их нерождённый ребёнок. Боже…

*

Удар был страшен.

Грудь расплющила наковальня давления; показалось, что сейчас его размажет кровавой кашей по кокону скафандра. В тазу что-то хрустнуло, якоря вздыбили каменный грунт, но сдюжили.

Когда он снова смог дышать, увидел лишь грязный металл. Его облепила кабина грузовика. Бандиты, видимо, отключили энергозавесу, иначе машину бы просто откинуло в сторону или перебросило через Брода. Подмять наглеца под бампер и раздавить, как личинку, – неплохая идея… скафандр класса «Тьма» имел другое мнение, выдержал испытание; в таких доспехах можно сражаться с дьявольскими карбидными бурями Улана, а они гнут арматуру волновых передатчиков, как ветер траву.

Капельки крови секунду-другую красовались на внутренней стороне визора, а потом их унесла ленточная щётка.

Брод дал команду на подвижность и принялся выбираться из объятий покорёженного металла. Один или два раза терял сознание, на пару секунд. Затем кровавый омут начал отпускать. И вот – первый шаг. Будто рождение.

Повсюду разбросаны контейнеры: красные, зелёные, белые, словно разломанный исполинский Кубик Рубика.

Рука одного бандита торчала из окна, словно голосуя. В салон выплеснули ведро с кровью. Удар выжал тела, как кипяток выжимает аромат из чайных листов.

Однорукий был мёртв. Вылетел во время удара из кабины, но далеко не делся, видимо, зацепился за что-то: лежал в метре от правой передней гусеницы. Переломленный сухой хлебец. Брод поднял лежащий поодаль пистолет. Вернулся к трупу.

– Вставай, паря, – он ткнул ногой тело. – Ну же…

Поддёрнутые плёнкой глаза забило пылью.

– Не смоглось фишек подрезать, а, паря? Чё молчишь?

Металлические струпья повсюду.

Пошатываясь, он пошёл дальше с «музейным» оружием в руке, с практически разряженной пэв-винтовкой за спиной.

И когда дошёл до озера – нырнул.

*

Течение развернуло его и понесло ногами вперёд. Слева и справа виднелись звёзды, внизу – бурое плато астероида. В скафандре он не чувствовал температуры воды, но представил, как несётся в тёплой стихии.

Силовое поле Брод преодолел незаметно, без всполохов и ряби визора, треска коммутационных плат. Малиновая

лента словно размыла энергетический кокон, отталкивая его кольцом брызг.

Клапан первого баллона с дыхательной смесью бесшумно открылся. В углу экрана проявилась шкала.

Его ещё раз развернуло. Карниз Радужного Дерева медленно наплывал, обретая краски. В какой-то момент он потерял счёт времени, закрыл глаза и остался один на один с Вселенной.

*

Он судорожно вцепился в уступ, стал подтягиваться, колыхаясь в потоках малиновой реки, словно хоругвь. Поток пытался швырнуть его выше – в чудовищные по красоте переливы вихрей и пылевые скопления.

Мышцы налились напряжением, засочились сукровицей.

Волокна скафандра удесятерили усилия. И тут течение отпустило его – Брод упал на одну из плит карниза. Он медленно поднялся, ожидая сюрпризов гравитации. Цифры процентов оставшейся дыхательной смеси выцвели в светло-травяной, затем исчезли. На Карнизе был кислород, и никаких ощутимых неудобств с силой тяжести. Он всмотрелся в пустоту. Невидимое защитное поле?

Веретеновидная крона Радужного Дерева была перед ним, в каких-то десятках километров или метров. Ощущение расстояния монеткой закатилось в тёмный угол.

– Эй? Что теперь? – спросил он.

Каждому нужен свой Разумный Океан. Свой Золотой шар. Вера в ужасные чудеса.

Расстояние до следующего «нароста» было очень велико. Не перепрыгнуть. На поверхности Карниза марганцем блестела пыль.

Он остановился. Обречённо поднял руки: не крылья – отёк прошения.

– Помоги мне.

Магнит тихого шёпота вокруг. Ничего.

– Бобо!

Пурпурные гало, пляшущие между ветвей.

Ещё одна пустышка. Иллюзион глупой веры. Как Белая Королева. Как хронопласты.

– Что? Чего ты хочешь?

– Останусь здесь, Дерево… будешь меня терпеть…

– Пожалуйста…

– К чёрту всё…

*

Внезапно в его голову врывается голос. Динамики шлемофона молчат. Брод видит густую радужную полосу перед глазами – именно перед глазами, а не за поликарбонатным забралом, – и приседает от нахлынувшей слабости.

– Эй, ты меня слышишь? Какие-то помехи на линии…

– Что? – шепчет он.

– Брод, я сказала, что пожалуюсь твоему начальнику.

Голос. Бобо. Брод тянет в пустоту руку. К переливам и вспышкам загадочного неба. Вентиляционные капилляры скафандра обдувают лицо, сушат слёзы.

– Да… – говорит он. Потом словно просыпается.

Он сыграет эту ужасную роль, если нет другого способа приблизиться, вспомнить, *прожить* хоть миг *снова*. – Этот старый хрыч с ума сойдёт от твоего голоска. Пожалей своего мужчину.

– Я подумаю.

– О. Это так великодушно, госпожа.

Он повторяет всё это, как заученную наизусть пьесу. Так и есть. Постановки влажных ночей. Его диалог с прошлым. Жестокий и прекрасный сон. Её утерянный голос, но сохранённые слова.

– Так тебя ждать к восьми?

– Непременно. Если вы разрешите поужинать с вами.

– Запрос принят. С удовольствием.

– Я люблю тебя, милая.

– Я должна тебе что-то сказать…

– Не сейчас, милая, дома. Давай дома.

– Хорошо.

– Я скоро…

Внезапно он начинает дрожать. Не так, как до этого, а дрожью хрупкой догадки. Надежды.

– Бобо, девочка моя… послушай…

Тишина. А потом:

– Да?

Она слышит. Она не играет *по сценарию*. Это не запись, не мнемоспазм.

– Затвори окна во всём доме. И сейчас же уходи из гостиной… закрой дверь, намочи тряпки, одежду и затолкай в щели.

– Милый… что происходит?

– Слушай меня, слушай, пожалуйста. Сделай, как я говорю, и спускайся в подвал. Закутай лицо в какую-нибудь мокрую материю, несколько слоёв. Ты меня слышишь? Слышишь?

– Мне страшно, Брод. Зачем?

– Просто сделай, – он едва не срывается на крик. Облизывает сухие губы. – Я люблю тебя. И… скоро буду дома. Хорошо?

Он падает. Шлем ударяется о камень – в углу визира жёлтым вспыхивают индикаторы.

– Ты меня слышишь? Милая?! Бобо!

Вокруг – шум. Он утихает. Скатывается вниз шелестом.

Она его слышала. Она сделает. Ему чудится, что он расслышал: «Возвращайся скорее…»

Перед глазами тускло пульсирует пыльца на шляпке «гриба».

Он переворачивается на спину и смотрит на золотистые

переливы игольчатых темпоральных всполохов, пронзающих антиэнтропийные вихри. Они играют в неведомые игры по неведомым законам в ветвях туманности Радужного Дерева.

Он будет ждать…

Он вернётся… и не будет поздно.

Где-то. Когда-то.

– Девочка моя, – произносит он.

*

Наблюдатель Красный-Три: «Первый день уборки перед открытием Портала №542. На Карнизе туманности Радужного Дерева найден боевой скафандр класса „Тьма“. Пустой. Наличия биологических тканей не обнаружено. Разложение исключено. Поверхностные повреждения панциря: 44%. Устройств, не относящихся к комплекту скафандра, одно: пластина э-ридера. Количество записей: 1».

Оператор форпоста в кубе 3010/2006/301: «Воспроизведите запись».

Наблюдатель Красный-Три: «Воспроизведение записи.

Бобо мертва, и в этой строчке грусть.
Квадраты окон, арок полукружья.
Такой мороз, что коль убьют, то пусть
из огнестрельного оружья.
Прощай, Бобо, прекрасная Бобо

Слеза к лицу разрезанному сыру.
Нам за тобой последовать слабо,
но и стоять на месте не под силу».

*

Нет такой истории, что была бы более ценной над другими.

Нет более важной и интересной.

Жизнь – рассказ, отложенный в ящик стола. И кто бы ни заглядывал туда, что бы ни дописывал, всегда остаются чистые листы и корректор.

Всегда.

Всегда есть возможность внести изменения, когда стрелки часов спешат в двух направлениях, а сами часы – всего лишь метрическая абстракция.

Я – сердце Радужного Дерева.

И я люблю читать. А иногда и писать.

Вас.

На льдине

Май

19 мая

Когда четырёхмоторный «Н-170», пробив облачность, сел на льдину, мы испытали неописуемую радость. Северный полюс! Здесь нам жить и работать.

В первую очередь установили радиостанцию, голос и уши экспедиции: взвели мачты, протянули между ними антенну, разбили палатку для радиста Жени Аппеля, потом палатки для жилья и гидрологических работ. Перезарядили аккумуляторы и оправили радиограмму на остров Рудольфа. Получили тёплый ответ.

Льдина хорошо подходит для полярной станции, выбрали место для будущего аэродрома.

Столько волнений, хлопот и впечатлений – не передать! А сколько всего предстоит: приятно осознавать, что изучение Центрального полярного бассейна окажет неоценимую службу советской науке.

20 мая

Передохнули, ранним утром продолжили обустраивать

лагерь. Наладили мотор для зарядки аккумуляторных батарей, поставили кухонную и складские палатки, установили метеорологическую будку и теодолит, который позволит определять местоположение нашей дрейфующей льдины.

Спрятали жилую палатку за стенами из снежных кирпичей. По опыту знаем, без этого толстый брезент, между слоями которого проложен гагачий пух, будет продувать. Палатки максимально облегчены для удобства транспортировки – всего пятьдесят четыре килограмма вместе с кроватями.

Аппель принимал приветственные радиограммы, из Москвы нас поздравила правнучка полярного исследователя и мореплавателя Витуса Беринга. С Федей Кудряшовым весь день рубили лунку, чтобы определить толщину льда. Кудряшов держал пари, что меньше трёх метров, и проиграл: три метра двадцать сантиметров. Отлично: не пропадём!

К вечеру поднялась пурга, спряталось солнце.

21 мая

Начали возводить снежный домик для машинного отделения и радиостанции.

Как только проклёвывается солнце, Жора Тамахин занимается астрономическими наблюдениями. Погода противится: ветер, позёмка. Дрейф станции составляет без малого километр в час.

22 мая

Аппель продолжает радовать новостями: московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» назвал наш перелёт и экспедицию «великолепными».

Небо расчистилось, ни облачка – слепит так, что без очков никуда. Полдня провёл на торосе с биноклем: ждали самолёты с Рудольфа. Дождались. Правда, только одну машину. Теперь у нас есть ветряк.

23 мая

Разгружали новое имущество.

Покрыли крышу радиостанции парашютом с «Н-170». Внутри два отделения – машинное и радио. Мотор вморозили в лёд, принялись за ветряк.

Я послал домой, в Ленинград, телеграмму: «Устроился неплохо, люблю, скучаю». Кудряшов оказался более выразителен: «Очень счастлив. Готовимся к зимовке в добротных льдах Северного полюса».

24 мая

Аппель поругивается из-за навалившейся корреспонденции. Продолжают сыпаться поздравления – Чкалов, Лебедев-Кумач, Косарев, Шарль Папэн, знакомые и незнакомые благожелатели, неописуемо!

За сутки устаю так (сегодня собирали ветряк), что не остаётся сил на дневник.

25 мая

Разгрузили новый самолёт, прибыла гидрологическая лебёдка. «Благоустроенных квартир» на всех не хватает. Северный полюс перенаселён.

Выбрали место для основной жилой палатки, пол покрыли резиновыми подушками и шкурами.

26 мая

Погода капризничает: десятибалльный ветер, пурга, снег. Барахлит связь с островом.

Строили камбуз.

27 мая

Кудряшов установил гидрохимическую лабораторию, скоро начнёт корпеть над пробами воды.

Аппель и Тамахин видели чистика. Тут же засуетились «квартирующие» на льдине корреспонденты: в редакции полетела новость о птице на Северном полюсе. Аппель ругается (помимо полярников и поздравителей, его атакуют на коротких волнах радиолюбители), но телеграфирует. «Комсомольская правда» требует от комсомольца Тамахина ежедневной корреспонденции.

28 мая

Дел по горло! Даже страшновато.

29 мая

Прилетел последний самолёт. Разгружали имущество. Скоро можно будет полноценно заняться научной работой.

30 мая

Кудряшов с трепетом прочитал радиограмму от жены: сына назвали Иваном. Похож на отца. Все аплодировали. Наш пёс Счастливый вилял хвостом.

31 мая

В час дня прошёл торжественный митинг. Официально объявили об открытии дрейфующей полярной станции. Я на правах начальника станции поднял над ледяной равниной флаг. Грянули из ружей и пистолетов – первый салют на Северном полюсе.

Тепло попрощались с улетающими на остров Рудольфа товарищами. Напутственные слова тронули до глубины души. А потом прозвучала команда «По самолётам» – и мы остались вчетвером. Я, Аппель, Кудряшов и Тамахин. Счастливого пути!

Перед сном Тамахин пошутил, что теперь нашему продовольствию не угрожает опасность – едоков уменьшилось. Ворочаясь в спальных мешках из волчьего меха, посмеялись, но с грустинкой.

Июнь

1 июня

Кудряшов измерил океан под нами – трос с грузом ткнулся в дно на глубине четыре тысячи триста двадцать метров. Взяли пробу грунта: зеленоватая плёнка ила.

В обед я сварил уху. Суп имел запашок, не спасал даже перец.

Продукты – сорок шесть наименований, в основном кон-

центраты – хранятся в запаянных жестяных бидонах. Одного бидона должно хватить на десять дней. Институт инженеров общественного питания уделил внимание каждой кулинарной мелочи экспедиции. Внутри сорока четырёх килограммового бидона: паюсная икра, сливочное масло, корейка, сало, сухари, супы, мясные котлеты, плавленый сыр, яичный порошок, шоколад, кофе, кисель, лимонная кислота, конфеты с витамином С и другое. Взяли с собой также сухой лук, чеснок и коньяк.

Ледяная кухня намного просторней шёлковой палатки: не приходилось держать миски на коленях, сидели за фанерным столиком на пустых бидонах. Пищу готовили на тульских примусах с двенадцатилитровыми резервуарами.

2 июня

Увеличили объём научных работ. Тамахин начал магнитные наблюдения. Мы с Кудряшовым организовывали глубоководную станцию. Аппель инспектировал и заливал аккумуляторы.

Счастливый уныло гуляет по льдине. Не по нутру дрейфующая жизнь – останавливается, поджав хвост, вынюхивает. Тоскует. Жалеет, что не вскочил в самолёт вместе с остальными. Аппель предложил переименовать пса в Грустного. Шутку не поддержали.

Погода хорошая. Прошлись на лыжах, осмотрели ледяное

поле.

3 июня

На завтрак: яичница с колбасой и кофе. Вспоминали Москву, Ленинград, родных, близких, друзей.

Распределили груз по трём базам: если одна утонет или её затрёт льдами, две другие уцелеют – проживём. Откапали из-под снега доски, уложили на нарты, возили керосин, одежду и бидоны к палаткам. Хозяйство надобно содержать в порядке – предстоят ещё долгие месяцы на льдине.

Обед прошёл с аппетитом. Выпили по рюмочке коньяку. Отдохнули и снова за работу.

Вечером Аппель и Тамахин передали сводку на остров Рудольфа – метеорологические наблюдения.

4 июня

Ночью бушевала пурга. Ветер достигал двадцати пяти метров в секунду. Тамахин говорит, что «ягодки впереди». Мало не покажется.

Днём – штиль. Расчистили сугробы, в палатке двадцать три градуса. Что сказать, Северный полюс!

Дрейф ускорился. Льдина плывёт на восток, недалеко от меридиана Гринвича.

Я пристраивал остатки груза: керосин перелил в расход-

ный баул, мясо и рыбу сложил в вырубленный в льдине «холодильник». Аппель выстукивал радиоключом точки и тире. Тамахин обрабатывал данные гравитационных наблюдений. Кудряшов делал гидрохимические анализы, пытался получить химически стойкую воду.

Вечером он нашёл меня в палатке и сказал:

– Трещину не узнать. Расходится лёд.

Тамахин говорит:

– Это ветер мебель двигает. Ночью, когда занимался метеорологией, слышал, как шумят льды.

– Крепкая льдина, основательная, – оптимистично заметил я. – Мы ещё здесь поживём!

– Точно! – поддержал Кудряшов.

Вечером Аппель принял радиограмму от Эмануэля Ласкера; тот предлагал мне партию в шахматы.

5 июня

Солнце греет круглые сутки.

Кудряшов позвал в свою лабораторию. Лицо озабоченное.

– Сам всё увидишь, – говорит.

Мы зашли в снежный дом. Ледяной пол потрескался и сочился водой. Надо было срочно спасать лебёдку и гидрологические приборы.

– Да уж, – сказал я, – придётся строить для тебя другие владения.

– Ты туда загляни, – Кудряшов указал на прорубь.

Сначала я ничего не увидел кроме талой воды, а потом…

В проруби что-то плавало. Вода лишь на десять-пятнадцать сантиметров не доходила до верхнего края трёхметрового ледяного тоннеля. Она была мутной, захламлённой льдистой крошкой. От неё исходил странный запах – запах оттаивающего мяса.

Из воды торчала круглая болванка. Я огорошено смотрел на этот поплавок из голубого льда. Сквозь густой осадок твёрдых кристаллов виднелись размытые очертания. Внезапно я разобрал что-то, напоминающее голову и плечи.

– Что это? – спросил я, хотя Кудряшов знал не больше моего.

– Надо вытащить, – сказал он.

На помощь пришёл Тамахин.

Мы извлекли предмет из проруби. Очень странная находка! Ледяная статуя с пропорциями ребёнка. Она словно спала: голова опущена к груди, ладони сложены под щекой. У статуи не было лица – гладкое ледяное яйцо. Руки и ноги грубо обозначены в куске идеально чистого льда, будто вырублены ленивым скульптором.

Мы сфотографировали и перенесли изваяние в «холодильник». Аппель передал на остров о случившемся.

Объяснений и теорий нет, но «подарок» океана, несомненно, требует тщательного анализа.

6 июня

Ночью все спали мало и плохо. Я думал о человечке из голубого льда.

Утром Кудряшов попытался взять пробу, но скульптура оказалась настолько прочной, что не отдала и малюсенького кусочка. Недоумевающий Кудряшов отложил исследования и занялся возведением новой лаборатории. Я помогал возить снежные кирпичи.

В машинном отделении открылась трещина, прямо под мотором. Установили мотор на нарту: так спокойней.

Тамахин перенёс палатку, в которой размещались научные приборы, чтобы сжатие не уничтожило оборудование.

Ужинали киселём и коврижками, которые изготовил Аппель. У нашего радиста на спине образовался нарыв. Двигаться больно, мучается.

7 июня

Кудряшов завёл под руку к «холодильнику».

– Выросла, – он кивнул на статую.

Я не смог возразить. Это было невероятно. Ледяной ребёнок превратился в ледяного юношу. Появились и анатомические нюансы, подсказывающие пол скульптуры.

– Это не смешно, – наконец сообразил я.

Кудряшов не понял. Он держался от статуи на почтитель-

ном расстоянии. Вряд ли его рук дело – гидробиолог выглядел испуганным.

– Кто веселится? – спросил я. – Тамахин? Аппель?

Кудряшов покачал головой.

– Никто. Она меняется… сама.

– И это слова учёного? – сказал я. – Федя, если всё-таки ты, то предупреждаю…

– Даже если бы я захотел… её не разрушить, не изменить. Огонь не берёт. Я пробовал.

Ничего выяснить не удалось. Какой из меня начальник экспедиции ещё предстоит узнать, а вот разоблачитель – неважный. Ни Аппель, ни Тамахин не сознались в глупой (и жуткой, надо признать) шутке. Кудряшов тоже стоял на своём, даже заговорил о загробном мире. Я пресёк.

8 июня

Ветра нет. Ветряк бездействует. Аккумуляторы разряжаются – почти не пользуемся радио. Ещё немного и придётся запускать бензиновый двигатель.

Осмотрели с Тамахиным снежное поле. На месте трещины теперь целая река. Надо держать ухо и глаз востро, как бы трещина не подвела.

Кудряшов работал у новой лунки. В полночь он заступит на суточную станцию – двадцать четыре часа у лебёдки. Тамахин исследовал другую часть льдины. Там тоже трещины

и разводья.

Мы на плавучем острове.

Погода по-прежнему ясная, температура – минус восемь. Над станцией пролетела чайка-глупыш.

Вечером опомнились – у Аппеля сегодня день рождения. Отметили коньяком и щекоткой – наш радист ужасно боится щекотки, поэтому вместо того, чтобы подёргать за уши… Было весело, довели Аппеля до слёз.

9 июня

Безветренно. Запустили бензиновый двигатель. Радиолюбители-коротковолновики затеяли всесоюзное соревнование по выходу на связь с нашей радиостанцией. Аппель весь в мыле.

Проведал ледяную статую. Вернулся в палатку злым: кто-то вырезал на лице провалы глаз, лунку рта, аляповатые уши. Нет, это была новая скульптура! Ростом с взрослого мужчину, руки прижаты не к голове, а груди. Детализированы пальцы на ногах и руках, рельеф торса…

Меня охватил озноб. Я собрал Кудряшова, Тамахина и Аппеля в жилой палатке и потребовал объяснений. Признания: кто продолжает этот неуместный фарс?!

– Она просыпается, – сказал Кудряшов, когда я закончил. – Или, скорей, оно.

– Мы всегда при деле, знаешь ведь, – проговорил Тама-

хин. – Сколько времени понадобится, чтобы вырезать новую статую?

– Вы нашлю другую фигуру! – неожиданно осенило меня. – Ту, что сейчас в яме! Она больше старой и…

– Нет, – сказал Кудряшов.

Тамахин и Аппель покачали головами. Я искал в их лицах хоть малейший намёк на собственную правоту, но не находил.

– Надо избавиться от неё, – предложил Аппель.

Мои товарищи по дрейфу не врали: они не находили вторую статую, не пытались меня разыграть. Все были напуганы. Как и я. Злость ушла.

Но что же тогда лежит в «холодильнике»?

Я схватил паяльную лампу, зажигалку, кирку – и отправился выяснять.

От бесплодных попыток стало жарко. Я стянул варежки и шапку-ушанку, отложил кирку и разжёг паяльную лампу.

Ледяная скульптура лишь посмеялась надо мной: гладкие формы, живые изгибы – ни сталь, ни огонь не повредили им. Более того, я действительно что-то услышал. Тихий смешок или утробный возглас, похожий на треск… он донёсся из статуи.

Слуховая галлюцинация. Всё из-за паники. Я отступил.

Сомнений не осталось: от ледяного истукана надо избавиться.

10 июня

Мы отвезли статую на край острова и бросили в широкую трещину.

Прежде чем скрыться под водой, я отметил одну дикую странность: у голубого идола было лицо Кудряшова.

Господи, надеюсь, это видел только я.

11 июня

Аппель принял депешу из Старой Руссы: «На Большой Земле холодает, закройте Северный полюс».

Тамахин рубил лёд для дистиллированной воды, Кудряшов носился с приборами по гравитации. В качестве недостающих подставок использовал ящики для продовольствия. Я соорудил подвесной столик для проб воды.

О статуе не говорили. Негласное табу.

Я обошёл весь ледяной остров, окружённый каналом шириной от двадцати до тридцати метров. Отметил появление новых трещин. Вернувшись в жилую палатку, обнаружил сидящего на краю кровати Кудряшова, подавленного и молчаливого, слова не выудишь.

Счастливый постоянно лает. Пытаешься погладить, успокоить – ещё больше скалится.

12 июня

Ледяную кухню растопило тепло от примусов. Начали строить из парусины новую.

Сыпанул мокрый снег. Укрыли вещи на базах. Я расчистил сугробы вокруг жилья, весь взмок, пришлось сушить гимнастёрку.

Тамахин протянул провода, чтобы фиксировать сигналы хронометров радиостанции. Кудряшов весь день провёл в лаборатории, на обед не пришёл.

Когда я собирался устроиться в спальном мешке, явился Аппель и сообщил:

– Тамахин ещё три нашёл.

– Что? – не понял я.

– Статуи, – голос радиста дрожал.

Внутри дёрнулось, заныло сердце.

Я напялил пуховой комбинезон, сверху брезентовый плащ и вышел из палатки следом за Аппелем.

Погода была отвратная. Настроение под стать.

Их действительно было три. Две жуткие пародии на человека и одна на собаку. Скульптуры лежали в десяти метрах от кухни, у которой завалилась одна стена.

Тамахин ковырял носком колоши сугроб. На фигуры он не смотрел.

На этот раз у меня не нашлось ни слов, ни решимости отвезти статуи к каналу.

– Где Кудряшов? – спросил я.

– На суточной.

Я ещё раз осмотрел место, где покоились изваяния. Кто-то расчистил снег, обнажив лёд и трещину с солёной водой.

Всё это не имело смысла. Если только… Другие статуи, всё-таки были другие статуи. Но когда и как они появились? Могло ли случиться так, что один из группы обнаружил их раньше и теперь продолжает эту скверную игру? Здесь, на Северном полюсе, открытом в 1909 году Робертом Пири, когда родина поручила нам разгадать загадку этой земли? За время подготовки к экспедиции я хорошо узнал личный состав: гидробиолога Кудряшова, магнитолога-астронома Тамахина, радиста Аппеля – талантливые, трудолюбивые, упорные и надёжные люди. У каждого, разумеется, были свои человеческие слабости, но они не мешали нашей дружной жизни, без трений и разногласий. И я не могу представить, чтобы кто-то из них…

– С завтрашнего дня будем по очереди наблюдать за трещинами, – сказал я.

– А с этими что? – Аппель дёрнул рукой и скривился от боли.

– Пускай лежат.

13 июня

У Аппеля лопнул нарыв, полегчало. Отметили коньяком, Кудряшов отказался. Думаю, дело в том, что он тоже видел своё лицо – у первой статуи. Это надломило его. Нужно вре-

мя.

Сегодня снова измерили глубину океана. В одиннадцать часов двадцать минут груз достиг дна. Четыре тысячи четыреста семьдесят метров – на сто пятьдесят метров больше первого замера. Вывод: в центре полярного бассейна не может быть и речи о близости суши.

Обратно тащили пять часов. Последний барометр оказался полностью разрушен – не выдержал давления?

Туман, безветренно, оттепель. Дальше ста метров ничего не видно. Идёт мокрый снег. Фигуры лежат на льду, их не заметает, видны сформировавшиеся за ночь черты.

Сказал Аппелю телеграфировать на остров Рудольфа – просить самолёт. Закидал прозрачно-голубые статуи снегом.

Скоро месяц, как на льдине.

– Мало успели, – сказал за обедом Аппель.

– Не выполнили план, – кивнул Тамахин. – Как думаете, скоро прилетят?

Кудряшов забрал кружку с чаем и ушёл в лабораторию.

– Сдаваться не стоит, – решил я. – Пока здесь, загрузим себя трудом и исследованиями.

Написали радиограммы родным.

Перед сном ко мне обратился Аппель:

– Знаешь, что Фёдор домой передал? Только: «Работаю». А ведь у него маленький сын…

14 июня

Хлопот полным-полно: надо оборудовать кухню, перенести радио, потому что в радиостанции уже капает с потолка, прямо на голову Аппелю. Решили временно отдать белую палатку под кухню. Ледяной капитальный камбуз планировали сделать в августе, но, надеюсь, нас заберут раньше.

Обедали на новом месте: гороховый суп, мясные котлеты и вишнёвый компот. Кудряшов по-прежнему либо отказывается от еды, либо уносит к лунке, но беспокойство по поводу его состояния немного унялось – весь в работе, глаза загорелись, берёт литературу из нашей экспедиционной библиотечки.

15 июня

Наводили капитальный порядок в жилой палатке. Вынесли шкуры, надувные матрацы, вещи, вскрыли фанеру и окопали снежный настил. Резиновый пол уложили под доски на подкладки – теперь на мех не будет попадать вода. Вернули вещи и койки на место. После уборки взялись за свои дела.

Мы с Тамахиным переносили радиостанцию. Аппель возился с аппаратурой: приёмник, передатчик, аккумуляторы, ввод антенны. Через час ликвидировал эфирный треск и передал на остров метеорологическую сводку. Работает!

Кудряшов занимался подсчётами по титрованию. Тама-

хин перенёс приборы в новое помещение, подключил хронометры к обсерватории, я помогал протягивать провод.

В три часа Аппель принял радиограмму из столицы. Главное управление Севморпути сообщило, что на этой неделе через нашу станцию планируется беспосадочный перелёт, командир экипажа – Анатолий Торчин. Вот здорово! Идут на мировой рекорд!

Про наш самолёт не передают. Ну, на Большой Земле виднее. Оценят, решат, хотя они не видели эти фигуры и всего остального. Тут нужен комплексный анализ. Возможно, наша экспедиция столкнулась с давным-давно погибшей культурой, цивилизацией?

Хорошо, что не избавились от статуй. Надо завтра проверить.

16 июня

Встал с опозданием, будильник не разбудил: кто-то сунул его ночью в мешок.

Хорошо, что перенесли радиостанцию: обвалилось две стены старого помещения.

После обеда я пошёл к статуям. Как описать, что случилось, когда я счистил снег?

Около трещины лежали три ледяные копии: Аппеля, Тамахина и Счастливого. Скрупулёзно проработанные лица, обнажённые тела. У скульптуры пса была раззявлена пасть,

к голубым клыкам липли снежинки.

Я увидел на щеке «Аппеля» трещинку, рядом ещё одну, третью, они пересекались, я подковырнул, отломил ледяную чешуйку и уставился на розовое пятнышко. Стянул рукавицу и осторожно ткнул пальцем.

Холодная, податливая мембрана.

Кожа. Очень похоже на кожу.

Я одёрнул руку и, схватив лопату, стал забрасывать знакомые лица и морду. Подделки, кошмарные поделки…

А потом услышал звук. Это был звук трескающейся корки льда.

Лицо «Тамахина» ещё выглядывало из-под снега, и я увидел… мне показалось… какое-то движение, даже взгляд, инистая маска стала распадаться на фрагменты…

Я не смог этого вынести.

Побежал прочь, подальше от станции.

Мне мерещились окоченевшие руки, которые тянулись из-за торосов.

Затёртые между льдин тела с тающими лицами.

Сорванная, как костюм, человеческая кожа, которую уносила река.

Одноместное каноэ и гигантская мёртвая чайка с глазами, похожими на блестящие чёрные камни.

Я метался по снегу, плакал и кричал. Пока не услышал сухое потрескивание и не увидел ползущую ко мне фигуру, состоящую лишь из обглоданных костей и суставов.

Большего я не помню. Не знаю, что случилось потом.

17 июня

Очнулся в половину второго в палатке. Тело болело, но ушибов или царапин я не нашёл. Долго лежал, обдумывая события вчерашнего дня. Жуткого дня.

Это была лихорадка сознания. Мой разум дал слабину. Я галлюцинировал. Других разумных (безопасных) объяснений не нахожу.

Мои товарищи занимались своими делами. Статуи пропали, пурга замела любое напоминание об их присутствии.

Были ли они вообще, фигуры из голубого льда?

Я сказал себе, что нет, не было, ни первой, ни трёх других. Я действительно хотел в это верить. Когда прилетит самолёт, и меня доставят на остров Рудольфа, а после в Ленинград – мной займутся врачи. Мой недуг послужит советской медицине, поможет в организации последующих полярных экспедиций.

И лучшее, что я могу сделать сейчас, это отдаться работе, в надежде на исцеление.

Пурга замела палатки и базы. Я проверил крепление грузов, отметил новые трещины и вернулся домой.

Пытался поговорить с товарищами о скульптурах, но не нашёл отклика ни в поведении, ни в лицах – видно и правда проблема в моей голове. Тамахин, Аппель и Кудря-

шов ведут себя корректно: ни намёка на упрёк, боязнь, настороженность. Рассказ о моих видениях не испугал ребят. Молодцы, настоящие полярники. Даже Счастливый прибежал, потёрся о ногу, поддержал.

18 июня

Закончили трёхдневный аврал по благоустройству станции. Полдня потратили на подготовку ледяных анкеров – заменили деревянные колья радиомачт. Кудряшов пожертвовал четыреста метров из запасов троса. Укрепили ветряк: врыли в лёд продовольственные бидоны – пускай штормовой ветер старается.

Все в работе, но не хватает живого общения, разговоров о пустяках. Попытался исправить. Заглянул в радиостанцию.

– Как там наши подруги? – спросил я у Аппеля. – В театре, наверное, сейчас сидят или на концерте.

Аппель не отвечал. Мне стало не по себе: он передавал какую-то нелепицу, не стучал, а скорей царапал радиоключом по контакту.

– Вот бы поселиться здесь с жёнами, – пошутил я, чтобы всё-таки привлечь внимание радиста. – Собрать на льдине семьи полярников. Советский город получится – не иначе!

– Не иначе, – сухо ответил Аппель. Рука замерла, разжалась, сжалась, впечатала ключ в контакт. Ещё раз. И ещё. Снова замерла.

– Правда, тогда придётся строить ледяные родильные дома и ясли…

Я запнулся, встал и вышел.

В радиостанции оглушительно стучал радиотелеграф. Точка. Точка. Одни точки. Одни жирные точки.

19 июня

Тамахин после завтрака лёг спать, дежурил всю ночь: выходил на улицу и искал новые трещины.

Счастливый не ест. Подносишь колбасу к самому носу – даже не глядит. Мои товарищи взяли пример с Кудряшова – уносят еду к рабочим местам. Я обедал на кухне один.

Вчера снился кошмар. Куклы с безжизненными глазами, осклабившимися ртами, перекрученными ушами. Они кланялись мне, их суставы хрустели, как снег под сапогом.

Не удаётся забыть.

Вечером помог Кудряшову поднять сетку. Там оказалось несколько мелких животных. Уложили их в банки.

– Интересный день, – сказал Кудряшов, глядя, как животные шевелятся за стеклом.

– Привезёшь сыну?

– Привезу, – сказал он, словно не понял шутки.

– Ты не пишешь домой…

– Я научусь. Мы учимся.

– Федя… – Я не знал, что сказать. В лагере уже не было

былой сплочённости. Я не мог вспомнить, когда мы просто сидели и болтали, все вместе. – Что происходит?

– Мы учимся, – повторил он и поднял банку выше.

– Чему? – прикрикнул я.

– Всему.

20 июня

Сегодня я стал свидетелем странной, пугающей сцены.

Тамахин вырубил новый «холодильник». Когда закончил, собрал всех, привёл, показал.

– Хорошая работа, Жора, – пустым голосом сказал Кудряшов.

– Отлично справился, Жора, – бесцветно произнёс Аппель.

– Я рад, – улыбнулся Тамахин.

Аппель улыбнулся в ответ. Кудряшов поддержал. Они словно пробовали, каково это – улыбаться.

От неправильности происходящего у меня свело желудок, сделалось дурно.

21 июня

Погода меняется. Солнце проглядывает сквозь моросящий туман. Видели радугу. Всё утро надрывался ветер, складывал крылья ветряка.

Счастливый берёт мясо и уносит за сугробы. Потом возвращается и ласкается ко всем. Особенно к Кудряшову. Тот гладит пса и улыбается. Эта улыбка…

Получили телеграмму из Москвы. При перелёте через Северный полюс пропал самолёт Торчина. Не долетел до Ванкувера, надеются на чудо, но шансы на то, что экипаж жив, малы.

Аппель, Тамахин и Кудряшов плакали, обступив радиостанцию. Плечи трёх крепких мужчин тряслись, лица исказились.

Нет, это не они. И я не сумасшедший.

Не они.

Ужасная новость, но в скорби *этих людей* было не больше искренности, чем в улыбках.

Не они.

Но кто?

22 июня

Фальшивый Аппель сообщил всем новость: мне присвоили звание Героя Советского Союза. На секунду-другую я забыл о липком страхе, прослезился.

Фальшивки заплакали.

– Нет, это хорошая новость, – зачем-то сказал я, будто обучая несмышлёных юнцов. – Радостная.

– Ура! – сказал фальшивый Кудряшов.

– Ура! – отчеканили другие подделки.

И захлопали в ладоши.

Я не сумасшедший, не сумасшедший, не…

Ночью проверил догадку. Спустился со второго яруса, стянул со спины фальшивого Аппеля гимнастёрку (он… оно лежало без спальника) и едва не закричал.

Нарыва не было: ни раны, ни рубца.

Пересилив себя, усердно пощекотал «Аппеля», но тот даже не проснулся.

Что делать? Попытаться убить? Притворяться?

23 июня

Ветер увеличил дрейф льдины.

Фальшивый Тамахин занят гравитационными наблюдениями. Фальшивый Кудряшов не отходит от лебёдки. Фальшивый Аппель отвечает на вопросы радиолюбителей.

Кажется, они перечитали всю библиотечку, повсюду книги.

Жду самолёт. Ведь когда я просил телеграфировать… это был настоящий Аппель? Должен был передать.

В обед проследил за фальшивым Кудряшовым.

Тарелку с овощами и мясом он вытряхнул в сугроб. Пил воду из лунки.

24 июня

Они пьют только воду. Лакают из трещин и прорубей, как животные. Фальшивый Счастливый тоже.

Голова разрывается от мыслей. Никогда не было так страшно.

Напился коньяку. Ударил фальшивого Аппеля по лицу, когда тот подкрался со спины. Но он лишь принёс мне телеграмму из дома. На удар не ответил, извинился и ушёл.

Тома пишет, что безумно скучает, что…

Господи, я так больше не могу.

25 июня

К ночи поднялась пурга. Палатки замело. Спали плохо. Под рычание ветра выбирались (все, кроме меня) осматривать базы.

Не выхожу из жилой палатки, думаю, думаю, думаю…

Фальшивый Тамахин принёс кофе и шоколад. Я взял, поблагодарил.

Они лучше нас. Работают, учатся, переживают, сочувствуют, радуются. Получат по одной щеке – подставят другую. Ни злобы, ни зависти, ни корысти. Только самосовершенствование. Они оплакивают смерть и боль. Улыбаются, когда улыбка кажется важной. И какая разница, если их человечность лишь наработанная функция, приобретённый инстинкт? Если фальшивое золото лучше настоящего, кого

смутит обман? Да и кто узнает… близкие?.. да, наверняка… но остальные?.. даже если будут сомнения, зачем волноваться?.. они лучше, они удобней…

Они всегда будут лучше.

Что потеряет родина? Только приобретёт. Идеальные полярники, которым нужны лишь инструкции и талая вода. Пример остальным. Жаль, что мало…

Родина будет довольна.

Июль

2 июля

Долго не писал, но решил продолжать.

Льдина дрейфует зигзагами: то на восток, то на запад. Фальшивый Кудряшов ежедневно определяет наше местоположение по теодолиту.

Утром застал его… существо, заменившее Кудряшова, за бритьём. Оно неумело скребло бритвой по подбородку. Глубоко порезалось. С удивлением оттянуло кожу перед зеркалом, посмотрело, залепило пластырем, повернулось ко мне и улыбнулось.

Охваченный ужасом, я выскочил из палатки.

Несмотря на то, что я давно заметил чудовищный подлог, увиденное оглушило меня. В ране фальшивого учёного не было крови – только голубоватое желе и прозрачные ни-

ти, по которым бегали серебристые огоньки.

3 июля

Когда же, когда?

Жду. Но не самолёта, нет.

Смотрю на фальшивых Кудряшова, Тамахина, Аппеля, смотрю на фальшивого пса по кличке Счастливый… теперь он кажется действительно счастливым, они все… спокойные, улыбчивые и умиротворённые в своей новой роли… я смотрю на них и думаю: что стало с их прообразами из плоти и крови, с моими друзьями? Сильно ли они страдали? Мертвы ли они?

Но из всех вопросов, рождённых этим полярным кошмаром, больше всего меня мучают два: когда *мы* найдём ещё одну, последнюю скульптуру?

И, кем бы она ни была, продолжит ли вести мой дневник?

Реки рекурсивности

Привычно-шершавое дно ванны с остатками эмали, над головой сочатся старые трубы, змеятся рыжие потёки на стенах – так он просыпается каждое утро. Тело впитало почти всю воду и теперь облеплено плёнкой ржавого осадка. Коммунальные службы не баловали квартал чистой водой.

Он крутанул кран и ещё несколько минут провёл в бурой холодной жидкости. Потом закрыл поры тела, освободил сток и выбрался из ванны.

– Водяной! – пискнули за дверью. – Освободи помещение – руки после толчка не помыть!

– Ещё раз меня так назовёшь, – ответил он, – умоешься в сортире.

– Да ладно, Кабук… Я же так, по-соседски…

Кабук отёрся полотенцем, оставляя на нём грязные разводы, кинул в урну и толкнул дверь. Сутулая фигура с красными глазками отскочила в сторону.

– На работу опаздываю, – примирительно залепетал Амо.

– Воровство – не работа, – бросил Водяной, нагим двинувшись на кухню. – Добудь сегодня полотенец, скоро кончатся.

– Сделаю! – пискнул Амо. В ванной зашумела вода.

Консольная площадка, на которой ютился жилой блок, повернулась – теперь окна кухни выходили на Поле, круглый

год благоухающее диковинными цветами. Изучая названия, Кабук остановился на втором десятке (а их были сотни, возможно тысячи, непостижимых оттенков, размеров и форм).

Поле. Одни отдавали предпочтение эпитету «Клумба». Другие говорили «Цветник».

Кабук глотнул холодного чая, укусил бутерброд. Медленно жевал, переводя взгляд от скоплений синих волосков с золотыми колокольчиками к лиловым лепесткам трубчатых цветков, очень похожих на бругмансии, скользил далее – к плавающим пузырькам растения-хамелеона (айлахх, кажется), которые смешивали в себе оттенки всех растений в радиусе нескольких метров, переливались и пульсировали…

Потом платформа снова повернулась, и кухня изменила положение в пространстве. Жилые динамические структуры этого района всегда раздражали Водяного, он так и не смог привыкнуть к этой воплотившейся в жизнь архитектурной утопии – к постоянному движению этажей, когда кажется, что следующий поворот станет последним, и конструкция здания сложится под стеклянным куполом.

Вот только… всё это создал он сам, каждую гениальную или несуразную деталь окружающего мира. Так или иначе, толчком стало его сознание.

Синевато-лазурное солнце незаметно ползло вверх. Теперь взору открывались другие дома, похожие на продублированную лапку кузнечика, с платформами-этажами по всей

длине. Шланги коммуникаций и гибкие лифтовые шахты походили на трубки капельницы.

– Накинул бы халат. – Амо уже копошился у плиты, его голос вывел Водяного из задумчивого созерцания. – Кухня-то общая.

– Возбуждает? – усмехнулся Водяной.

– Боже упаси! – Амо высыпал на сковороду яичный порошок. – Разве что в твоих жабрах есть что-то от женской…

Кабук запустил в вора солонкой, но тот отрепетировано увернулся.

– А если Айва зайдёт? – поинтересовался Амо, орудуя лопаткой. – Ах да, ничего нового – ты же с ней спишь.

Кабук дожевал бутерброд. Глянул на образовавшуюся на поверхности чая плёнку, отодвинул кружку.

– Не зайдёт. Она в больнице.

Амо повернулся, с края лопатки на линолеум плюхнулся кусок недожаренной яичницы. Шутовские искры в глазах исчезли.

– Как?

– Богомолы, – сказал Кабук. – Я не успел…

Амо удивлённо таращился на него.

– Ты-то? С твоими способностями?

– Их было пять, а я был выжат. Слишком мало осталось влаги.

Водяной закрыл глаза. «Хочу домой, – подумал он. – Этот мир слишком чужой для меня, я не такого желал. И Айва…

Я ведь так и не сумел полюбить её по-настоящему… Пора, пора возвращаться».

– Расскажи!

– Потом, – Водяной взял чашку и выпил до дна. Встал. – Схожу к Айве.

– Может, и мне с тобой?

– Не стоит.

– Не к месту, знаю… Но ты просил любые новости… Иллюзионист в городе.

Кабук замер в дверном проёме.

– Что за тип?

– Не знаю. Никто не знает. Мутный какой-то. Бродит везде, фокусы показывает. Болтает много. Вопросы задаёт, Картиной интересуется…

Кабук прищурился. Превращённая в энергию вода запульсировала в теле, отозвалась на слова Амо предостерегающим температурным прыжком, ему стало жарко.

– Сам его видел?

– Не-а. Люди говорят. А мне не до светских тусовок.

– Ясно.

Он зашагал к выходу, оставляя в коридоре влажные отпечатки босых ног.

*

В палате горел тусклый свет – одинокая лампочка в мато-

вом зелёном шаре. Мониторы казались чем-то абсурдным, неправильным: эти циферки и линии сердцебиения – всё, что указывало на жизнь внутри хрупкого тела. Узкая койка выглядела жёсткой и холодной. Мёртвые экраны говорили: я жива, я дышу, моё сердце бьётся.

По пластиковым трубкам через тело Айвы бежали разноцветные жидкости, в стеклянных цилиндрах каждые несколько секунд поднимались и опускались поршни. Маска скрывала нижнюю часть лица, интубационная трубка смахивала на непомерно большой мундштук.

Кабук видел сквозь пластик размытые контуры её рта. Ему захотелось вырвать трубку, изогнутого монстра, из трахеи, сломать пластик, извлечь стальные иглы – освободить тело Айвы от медицинских щупалец и пиявок, сорвать маску и впиться в некогда горячие губы. Целовать, целовать, целовать. Сначала неистово, потом неторопливо, нежно, осторожно, каждый сантиметр, слиться с ними. Дышать за неё, с ней.

Но это убьёт Айву. Чуть быстрее, чем яд богомола, который пытаются отфильтровать системы жизнеобеспечения.

Бесполезно. Всего лишь отсрочка. Твари успели отравить Айву. Его детские страхи создали в этом мире ужасных монстров, сделали былью поверье о слюне богомолов.

Он понял, что плачет. Слёзы текли по лицу, впитываясь на подбородке и щеках. Организм не хотел терять даже эту влагу. Водяной был зол на новое тело, его новые возмож-

ности. Он тряхнул головой – несколько капель оторвались и упали на пол, словно дань боли и бессилию.

«Я не смог полюбить её». Враньё. Он врал себе, как может врать только любящее сердце, заверяющее, что в мире есть более важные и тёплые вещи, чем потерянный взгляд любимой.

А его сила… способна разрушать, но не исцелять. Он пытался – вчера, когда нёс истекающую кровью и отравленную Айву через Поле, – но безуспешно. Его тоже ранили. Кабук не стал тратить остатки воды на регенерацию – попытался единым прыжком покрыть царство цветов, чтобы быстрее добраться до города, но едва не сломал ноги, рухнув вниз с четырёхметровой высоты; обезвоженный организм отказал телу в сверхспособностях. И ни одного водоёма, лужи… хотя бы росы на широких лепестках болотистого ириса или на огромных, похожих на сковороды, листьях полевой радужной кувшинки.

Она – Айва здесь, Тануй там – так любила цветы, а он потерял бдительность, убаюканный её смехом и порханием над головокружительной гаммой цветочных форм и оттенков. Она играла с растениями, как с детьми, гладила листья, опускала лицо в бутоны. И вот…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.